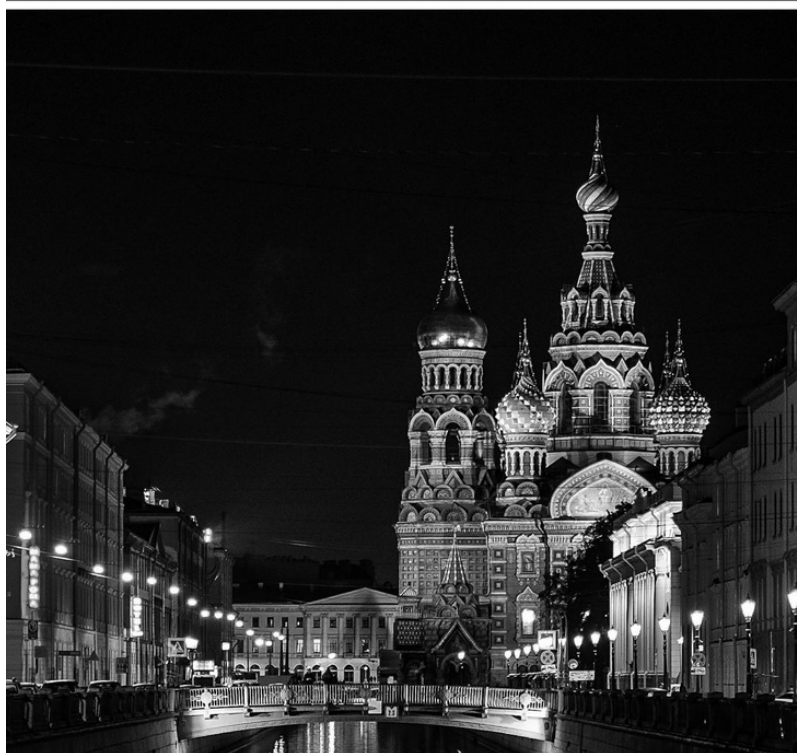

АЛЕНА ВОРОНИНА

Радужный город

Алена Воронина

Радужный город

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35239065

ISBN 9785449307576

Аннотация

Софья когда-то умела видеть и делать мир красочным, и переезд в Питер к любимому человеку стал для нее сказкой. Но жизнь идет, краски тускнеют, оставляя на холсте серые призраки. И теперь для одних она сильная женщина, для других разведенка-неудачница с ребенком. Судьбе же было угодно подкинуть молодой женщине испытания. И если Софья справится, наградой будет редчайший шанс – увидеть за Серым Творением Петра Радужный город ее мечты.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	38
Глава 4	47
Глава 5	61
Глава 6	67
Глава 7	78
Глава 8	94
Глава 9	106
Глава 10	116
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Радужный город

Алена Воронина

© Алена Воронина, 2019

ISBN 978-5-4493-0757-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Как там в песне поется? У природы нет плохой погоды? Андрей Павлович! Вы же были коренным петербуржцем! Как вас угораздило такое написать?! Да-да! Знаю! Образность мышления и изыски тех, кто пишет стихи, и речь-то, собственно говоря, не о погоде, но...

Обожаю Питер летом! И ненавижу весной, осенью и зимой.

В «южных» краях, откуда я родом, летом солнце плавит асфальт, и жаркое марево от нагретых домов и тротуаров окутывает тебя подобно одеялу, его не скинешь и даже руку или ногу не выпрастишь, чтобы хоть немного снизить температуру. А зима настоящая с морозами, сугробами по колени и прочими прелестями. Потому здешняя погода с постоянными ветрами, колеблющимися по шкале от легкого бриза до урагана, серостью, промозглостью меня слегка угнетает.

Приедем, решившим в Питере обустроиться и «зашедшим» за его изысканный фасад, город кажется уже не таким приветливым. Холодный и климатом и людьми. Причем, не скажу, что они плохи, они самодостаточны, в них нет (хотя, возможно, это мне повезло) той пренебрежительности, что свойственна москвичам. Петербуржцы похожи на серое небо Северной столицы: за хмурыми тучами может быть яркое солнце, но пробиться сквозь толстенный слой облаков

не всегда представляется возможным.

Вот опять шлеп-шлеп по лужам (зима, называется!) до метро. Хорошо еще жилплощадь недалеко, всего-то километр. И квартира своя – несомненный плюс, сильно улучшающий отношение к погоде.

Метро утром в субботу обычно не так запружено народом как в будни, если ваша станция не вокзал. А в моем случае это он родимый и есть – Ладожский, затесавшийся среди стеклянных кубов торговых и развлекательных центров, он напоминает замок с пузатыми башенками.

Мой любимый транспортный узел с эскалаторами с этажа на этаж, высокими стрельчатыми сводами и приятной мрачностью в отделке. Помнится, о здании вокзала кто-то писал, что это петербургский готический хай-тэк, спорить не буду.

Моя станция метро. Даже народ, тянувший за собой, аки бурлаки на Волге, багаж не мешает наслаждаться этим местом. Нравятся мне открытые платформы, где чувствуется приближение поезда: огромная железная машина толкает перед собой нагретый воздух, напоенный особым ароматом железной дороги, пусть она и под землей. Закрытые станции, где ты видишь лишь стены и двери, приятного внутреннего трепета не вызывают.

Но сегодня было не до трепета. Выспаться из-за отчета не удалось. Пробираясь между стоящих в кассу людей, сумки, охрану с рамками и лоточки с сим-картами, я героически пыталась восстановить в памяти, а взяла ли флэшку

с подсчетами, или хотя бы удосужилась ли скинуть все это добро на почту?! Ведь через часик-полтора экран телефона осветится надписью «Начальник», и заиграет мрачная пронизывающая волынка – музыкальная заставка сериала «Охота на изюбря» (специально поставила, чтобы побольше драматизма нагнать или трагизма...) и мне надо будет что-то говорить.

Жетон в шести карманах куртки никак не хотел находиться, пригрелся. Бесстыжка! Но я, предвидя подставу, начала обшаривать «схроны» заранее. Так иногда приятно находить еще и спрятавшуюся часть зарплаты.

Удивительно, но вестибюль метро был практически пуст. Доставая на бегу телефон, и распутывая завязавшийся в узел провод наушников, я подошла ко второму турникету. Возле первого стоял мужчина. Я лишь успела заметить черное длинное пальто и услышать тихий голос, ругавший чьих-то предков по женской линии. Его жетончик, похоже, не желал быть принятым автоматом и вылетал обратно. Как обычно у новоприбывших, в будни они создают гигантские пробки и в без того набитом вестибюле метро.

– Вы его чуть вверх подкиньте, – улыбнулась я.

Мужчина поднял на меня глаза, и улыбаться сразу расхотелось. Холеное, властное лицо с холодными зелеными глазами, белый свитер под горло, черный шарф, волнистые темно-каштановые волосы – все, что я успела рассмотреть, наткнувшись на презрительный взгляд.

Похоже, советы не входили в перечень того, что привыкли слышать его уши. Такие персонажи предпочитают создавать пробки наверху, проматывая часы в своих авто, не мешая простым смертным наслаждаться спокойным передвижением к месту исполнения рабской повинности.

Сделав вид, что вообще ни звука не произнесла, и ему слышалось, я протолкнула нагретый ладонью жетончик в машину и через секунду уже неслась вниз по эскалатору.

Поезда долго не было, и я углубилась в чтение, стоя на платформе.

Хоть в чем-то могу выразить благодарность угонщикам моей машинки, потому как за два года ее наличия в моей жизни я прочитала в пять раз меньше книг.

Тоннель озарился светом фонарей приближающегося состава, заставив редких будущих пассажиров встрепенуться и подойти к ограничительной линии на краю платформы.

Не люблю сидеть в метро, да и работа моя есть «прилипание» попы к стулу, так что, прижавшись боком к противоположной двери, я продолжила чтение захватывающего романа о похождениях вора на службе короля.

Под равномерный стук колес и привычный голос какой-то знаменитости, озвучившей названия станций, окружающая действительность растворялась, оставалась только фантазия – картинки и образы становились почти осязаемыми: роскошь южной ночи, вздохи теплого океана, романтический ореол охотника за удачей и его прекрасной леди, скрывав-

шей под маской благопристойности страсть.

Вагон был практически пуст, что удивительно, ведь суббота у многих день труда, а отнюдь не отдыха, как завещал иудеям Бог. А русские – любители присваивать приятные особенности и праздники других религий. Да и Новый год на носу. Большинство магазинов вскоре будет атаковано желающими развеяться и затовариться перед большими праздниками.

В покачивающейся железной коробке были, не считая меня, четыре человека. Две пожилые женщины, прилично одетые, с лицами заслуженных педагогов, они о чем-то переговаривались, склоняясь к уху соседки. Молодой человек в наушниках копался в плейлисте телефона. И тот самый мужчина, смотревшийся здесь не более уместно, чем новенький пылесос среди старых веников, застыл статуей возле первой двери по ходу движения поезда, уставившись во мрак за окном, ибо свет, лившийся с потолка, выхватывал лишь паутину кабелей на стенах тоннеля.

Он иногда чуть поворачивал голову, давая возможность рассмотреть лицо: его можно было бы назвать красивым, но выражение было каким-то злым и чуть высокомерным, и это больше отталкивало, чем привлекало.

Однако о мужчине я забыла о нем через мгновение, потому что сюжет романа вошел в крутое пике, и чтобы не запутаться в некоторых элементах детектива, пришлось сосредоточиться на чтении.

Мой путь лежал до «песочной» станции «Спасская». Облицовочный камень ее пробуждал желание оказаться где-нибудь в теплых краях, где в воздухе витает запах океана и экзотических цветов, где можно вот по такому песочку брести по берегу и наслаждаться тем, как набегающая волна оmyвает ступни. Но в ближайшее время мне светила работа, только работа, и ничего кроме работы.

Вагон до конечной станции довез уже приличную толпу спешащих по своим делам жителей города, туристов, нервно поглядывающих на карту метро, взмыленных студентов, чьи праздники омрачатся подготовкой к сессии. Я в потоке пассажиров нырнула в переход и оказалась на «Сенной», которая своим синим кафелем почему-то не навевала мысль о морях, а скорее походила на больницу. Пять минут, и я на Петроградке.

В парадной, где располагался наш офис, пахло Макдональдсом: картошкой, только что очищенной и окончившей жизнь в кипящем масле, и бумажными пакетами, в которые и упаковывались сии деликатесы.

Сегодня работало два секретаря. Женщина за пятьдесят, со звучным именем Алла, моложавая, симпатичная, посвятившая жизнь себе и мужу. Хотя наверняка было в ее «истории» что-то, что заставило пойти именно таким путем. Сейчас она наслаждалась поездками, танцами, имела на зависть подтянутую фигуру и хорошую кожу. Вторая секретарь, Карина, моя ровесница, тоже приезжая, предпочита-

ющая арт-хаус, хорошую компанию под хорошую закуску, бойкая на язык, но дружившая с головой. С ними было приятно работать. Они были в меру ленивы и на необходимом уровне дотошны, иногда улавливая то, что в текучке я могла проглядеть.

Клиентов весь день практически не было, и я, сидя за их спинами в дальнем углу кабинета, слушая краем уха пространные рассуждения о важности здорового питания впере-мешку с мистикой, предсказанием судьбы, допиливала скучнейший отчет, иногда отпуская свои комментарии по какому-нибудь вопросу.

К вечеру, как было сказано в одном из мультиков, которые так любит смотреть моя дочурка, героический герой справился, и на стол начальника лег распечатанный отчет за год без последнего месяца.

– Правильно она все сделала! – воскликнула Алла. – Какой смысл тянуть лямку с человеком, к которому уже ни то что уважение не испытываешь, а начинаешь тихо ненавидеть. Она, по-моему, по алиментам будет от него больше получать на ребенка, чем сейчас.

– Да, вот только прежде он ей весь мозг вынесет. Она и так на работе после его звонков иногда из реальности выпадает. А что будет, когда она его уже перед фактом поставит окончательно?! – удрученно качала головой Карина.

Словесные баталии, развернувшиеся в нашем коллективе после того, как всеобщая любимица объявила своего благо-

верному, что их ждет расставание, каждый день вспыхивали с новой силой. Но сегодня им, к сожалению, было не «воспылать». Ибо тут присутствовали две ярые защитницы Анны и ее решения. Я в этих разговорах принципиально участия не принимала и со своими советами не лезла, потому что сама нечто подобное пережила и считаю, что выбор тут исключительно за тобой, а не за теми, кто «справа-слева-сверху-снизу». Понять человека, доведенного до ручки, может не каждый (а уж тем более советовать), а лишь тот, кто был в схожей ситуации и то...

Меня зовут Соня. Если совсем официально, то Софья Аркадьевна Мизерная. Фамилия – единственное, что осталось мне от супруга. Потому как даже алименты от него приходили крайне редко и вполне соответствовали в размере значению этой самой фамилии. Да я, если честно, не сильно и старалась их из него вытрясти. Ведь самым обидным было то, что с ребенком он перестал общаться, с разводом вычеркнув его из своей жизни. Отцы, конечно, бывают разные, но я никогда не была сторонницей запрета встреч дочери и бывшего мужа, и тем более не собиралась малышку настраивать против него. Но папа решил, что ребенок – то, что останется в канувшем в небытие браке, а его новая жена всячески одобряла этот его взгляд на жизнь.

Посему, что-либо говорить Анне мне не хотелось. Пусть она и смотрела на меня, как на единственного человека в ее окружении, способного дать дельный совет. Только нет та-

кого совета, и решения такого нет. И чтобы потом никого не винить, надо все решать самой, как бы это ни было тяжело. К тому же ее Саня мог оказаться благороднее нашего папы.

Правда, мне, в отличие от родившейся и имевшей кучу родственников в Питере Анны, приходилось гораздо тяжелее, и до сих пор приходится. Ведь кроме нажитых тут друзей, родственников у меня здесь не было. Из помощников только частный детский сад, и воспитательница, ставшая моей близкой подругой.

Мама и отец наперебой уговаривали меня вернуться в родные пенаты, но после десяти лет, прожитых тут, было бы странно проститься с насиженным местом и возвратиться обратно. Это был своеобразный Рубикон, который я перейти была не готова.

Распив под конец дня бутылочку подаренного вина, перебив косточки паре клиентов, мы распрощались и ушли на заслуженный отдых. Понедельник опять «светил» мне работой, но это даже хорошо. Возможно, моя мечта – слетать в теплые края после новогодних праздников – реализуется, свожу своего Абрикосика на море.

Абрикос плавать очень любит, ванна у нас занята по два часа в день, а радостный смех и возня заставляют сердце радоваться, как в прочем и мозг, что стоит кабинка, и последствия водной вакханалии сведены к минимуму.

Звонок той самой нянечки-воспитательницы выдернул

меня из чтения книги уже на эскалаторе. Тома была моей самой близкой подругой, соседкой, матерью двоих детей и по совместительству усыновителем третьего – мужа. Она для меня светоч и героиня. Ибо когда я первый раз привела дочку в садик и увидела маленькую, но очень громкую толпу мелюзги, то прониклась к Тамаре просто так любовью и уважением. Я с трудом представляла себе, на сколько минут меня хватило бы в попытках заинтересовать, накормить, напоить, и вообще собрать эту толпу крохотных таракашек, так и норовивших разбежаться.

Характер у Тома строгий и рассудительный, все-таки педагог по образованию. Она своими правилами вносила в мою жизнь некую упорядоченность. Что, однако, не мешало нам иногда тихо дебоширить. Плюс к тому, как и я, она была приежкой, пытающейся за семьей и работой рассмотреть город, в которой ее так тянуло по молодости. Посему, она оставляла свою младшую и моего Абрикосика, одногодок, кстати, на попечение двух своих старших, да-да, и мужа тоже. И водила меня по театрам, кино и прочим увеселительным заведениям. Зарок – в месяц не менее двух походов. Так что ей я особенно благодарна, что не свихнулась после развода, когда хотелось сидеть дома и людей видеть как можно меньше.

– Привет, дорогая! Отчет сдала? – Тома была бодра и весела.

– Не напоминай! Полночи корпела, – закатила я глаза.

– Я мелких забрала к себе. Почитательницы этих... лоша-

дей (а вся комната дочери Наташи у подруги была в постерах и игрушках персонажей детского мультика про пони, вызывавших у мамы зубной скрежет и панику при очередном походе в детский магазин) слезно молили оставить их на ночь. Припоминая, как ты выглядишь после отчетов, клятвенно заверяю, что накормлю, напою и умою. А ты отоспись!

Причина, конечно же, была еще и в том, что у Наташи будет яркий последователь – моя дочурка Настя, с которой, собственно, Ната и будет обсуждать все перипетии сюжета, а у мамы появится свободный вечер, вся суть которого будет сведена к тому, чтобы приготовить еду и быть пастырем до ванной и кровати. Я же с ужасом сглотнула. Моя поклонницей говорящих непарнокопытных хоть и была, но не в такой степени, как Томина. Однако в поле зрения Абрикосика попался мультик про феечек, выглядящих как куклы, и все чаще стали появляться в тетрадках и альбомах девочки с крылышками и длиннющими волосами. Ох, первый звоночек приближающегося кошмара – увидеть такую же комнату, как у Наты, только вместо лошадей крылатые Барби.

– Ты знаешь, дорогая, я тебе доверяю сейчас больше чем себе. Заскочу через полчаса с вкусняшками.

– Иди домой! Сейчас перебаламутишь всех – твоя домой начнет проситься. Завтра ждем с тортиком. И ты не забыла? Нам послезавтра в театр! Наконец-то, я посмотрю на Боярскую во плоти!

Я долго рассыпалась Томе в благодарностях, она же пре-

красно видела, какая я под конец года становлюсь, и это был очень приятный сюрприз – выспаться!

Забежав в магазин, я затоварилась свежим тортиком на завтра, бутылочкой вина на сегодня, и, решив по полной воспользоваться таким случаем, прикупила еще жуткий кошмар – замороженную пищу.

Дмитрий, мой бывший муж, который очень любил готовить и считал себя гурманом, что, к сожалению, не отвечало размеру его заработка, на подобные покупки смотрел, закрыв глаза рукой. Я и сама все понимала прекрасно. Но! Гулять так гулять! Да и ждать прибытия курьера с заказом было лень.

Доченька по телефону отвечала односложно. Судя по переливам света в окне комнаты Наты, а квартира подружки располагалась в доме напротив, там всю шел просмотр понимаешь. В итоге в десять вечера я лежала, блаженно раскинувшись на кровати, пожелав Абрикосику и Сливке, как мы их с Томой величали, «Спокойной Ночи» и попивала вино. Хватило меня лишь на полбокала, после чего глаза сами собой закрылись, и мир, радужно переливаясь, закружился и провалился в темноту без сновидений.

Меня заставил проснуться настойчивый писк телефона. Сначала, как и положено, сердце ушло в пятки, я ведь жуткий параноик: мысли сразу бегут лишь в одном направлении: «Что-то случилось! Дома! С Абрикосом!»

Но на экране смартфона высветилась знакомая фамилия.

Адвокат, точнее помощник адвоката, точнее один из помощников помощников адвоката. В общем, мальчик на побегушках.

Первым порывом было послать полуночника куда подальше. Но дурацкий «рабочий» инстинкт сработал!

– Соня! – ор в трубке вытряс из меня остатки и без того перепуганного сна.

– Даник, ты же в курсе, сколько сейчас времени?! – на всякий случай поинтересуюсь, а то он, может, в Бразилии пьет коктейли, и как бы подзабыл, что у нас тут ночь!

– Сонечка! Софья Аркадьевна! Я знаю! Но вы – мое единственное спасение!

– Эээ!

– Согласие на выезд ребенка!

– В понедельник!

– Сейчас!

– Это не смешно!

– Соня, спасите меня! Я забыл подготовить и вас вызвать!

Если вы мне откажете – меня уволят!

– Данил Олегович, вы шутите?

– Нет! Сонечка! На коленях молю! Прошу, заклинаю! Это наш очень крупный клиент. Я у него сейчас помощник! Жена с ребенком завтра в девять утра улетают. Молю! Я все оплачу! Разумеется, даже сверх! Я пришлю машину! Я повешу ваш портрет и буду на него молиться.

– Господи!

– Я даже это могу говорить в молитвах!

– Даник!

– Поможете? – это было сказано таким тоном, что перед глазами встала умильная рожица пресловутого кота из Шрека.

– Я...

– Машина у вас будет через пятнадцать минут!

– Вы мой адрес не знаете!

– Обижаете, Софья Аркадьевна! Я ж почти адвокат.

– Даник, я, эм, немного не в форме.

– Ой, ладно вам. Вы говорите и злитесь! Значит, более чем адекватны.

– Я даже не знаю, почему я на это соглашаюсь!

– Потому что, Соня, вы – бесподобная женщина! Я всегда это знал! Пятнадцать минут!

Мда! Вот оно «трудогольство». Зачем трубку взяла?

Собралась я быстро. Но еще быстрее Даник скинул на почту письмо с данными. Мальчику надо сказать «спасибо», взяв образец нашего согласия, он заполнил все сам, очень надеюсь, верно.

Виталий Аркадьевич Тропинин, тысяча девятьсот семьдесят четвертого года рождения, желал выдать согласие на выезд сына – Сергея Витальевича Тропинина с матерью Ильясовой Нонной Владимировной, в Бразилию, Австралию и Антарктиду!

Тут я выпала в осадок. Настрочила смс Данику, заявив,

что Антарктида – это, е-мое, континент, а не страна! И она вроде как никому не принадлежит, и пограничников там нет. После чего мне написали такое, от чего волосы встали дыбом! Что-де ребенок с мамашей пройдут на яхте недалеко от «какого-то айсберга», считающегося пока частью континента, и на который претендует какая-то там страна, когда он соизволит уплыть в океан. И самый главный аргумент – клиенты очень «просят»!

В общем, я решила не спорить! Три часа ночи! Антарктида так Антарктида. Ребенку, правда, девять лет. По-моему, это папаше должно быть интереснее, мужчины любят такие штуки.

Взяв ключи от конторы, чтобы забрать бланки, печать и реестр, я вылетела из дома после смс Даника, умудрившись просто сигнализировать, что шофер прибыл, вместо того, чтобы позвонить и объяснить, кто и на чем.

Я-то думала, что искать буду своего извозчика час среди тучи припаркованных в нашем комплексе машин, но пройти мимо уникального белого Гелендвагена, у двери которого дежурил хорошо одетый мужчина, с сигаретой в зубах, было сложно.

– Софья Аркадьевна? – поприветствовал меня курильщик.

– Она самая.

Дверь стоявшего с десятков моих квартир монстра радушно распахнулась и, кокетливо щелкнув, захлопнулась, едва я

уселась.

– Адрес конторы уточните, пожалуйста, – голос у мужчины был совсем не сонный. Он, похоже, привык к внеурочной работе.

Я назвала адрес и засмотрелась на проносящийся мимо заснеженный город. Зима наступила внезапно: вместо дождя повалил снег, и серая унылая роба города на Неве превратилась в белый праздничный наряд.

Как же красиво! Мягкие огромные снежинки падали на дорогу, лобовое стекло, проносящие деревья и поребрики. Темная Нева, не скованная льдом, поглощала их, как бездна. Огромная сильная машина шла мягко и бодро. Водитель слушал нежные переливы радио Монте-Карло.

И это было потрясающе. Хотя, возможно, все еще играло вино.

Набережные утопали в огнях, подсвеченный мощными прожекторами парил над темной рекой Смольный Собор. Мосты были слиянием настоящего и прошлого. И вполне можно было вообразить себе, что на другом берегу расхаживают графини и царевны в длинных платьях, чуть сжав предложенный кавалером локоть. Ночью Питер наводнен чем-то по настоящему старым, величественным и мистическим.

Только переехав в этот город, я часто гуляла, ездила на экскурсии, прикасалась к удивительному миру истории Северной Столицы, который так любила. Достоевский и его желто-серый Петербург, несший в себе крупницу безумия,

рождавший в своих недрах тех, кто мог ему противостоять, и кто ломался под тяжестью его свинцового неба.

Петроградка: доходный дома, скверы, частые для этого времени машины. И куча воспоминаний, не моих, книжных. Но когда ты принимаешь все близко к сердцу, они становятся и твоими тоже.

Соборная мечеть. Кажется, она впитала весь свет по эту сторону реки, заложенная при империи, она пронесла себя сквозь целый век. Я никогда там не была: было страшно заглянуть туда, где меня не ждут. Не знаю, как насчет богов, но есть вещи, которые святы для человека, и не стоит в них входить тем, кто может, даже не желая, обидеть, нехорошо наследить. Слева пронесся ангел на верхушке Петропавловской крепости – Гробнице императоров.

Австрийская площадь, Дом Бенуа. Спасибо тебе, Дим. Для меня все это стало удивительно дорогим и удивительно близким. Когда я в школе писала реферат о Петербурге Достоевского, я и не думала, что жизнь повернется так, и я окажусь здесь, в некогда эпицентре жизни Российской Империи.

Из окон машин Петроградка кажется совсем иной, нежели днем, и для тех, кто выныривает из метро. Помнится, когда была машина, я была более мечтательна. Хотя дело в жизни, а не в транспорте.

Водитель аккуратно припарковался прямо на проспекте у входа в здание. Там, конечно, был знак, запрещающий пар-

ковку, но вряд ли у кого-то из стражей дорожного движения возникло желание спросить у водителя белого немецкого чу-да, что он делает тут на «аварийке».

И я не торопилась; на бланк лег текст согласия; реестр оказался под мышкой; в крохотной сумке печать, и новый заезд уже на северо-запад города.

Лисий Нос. Место, где элитное жилье за высокими заборами перемежается со старыми развалюхами, владельцы которых крепко держатся за место, не желая получить хорошую горку миллионов и купить нормальное жилье.

Гелек остановился возле низкоэтажного строения за оградой, сделавшей честь бы и Кремлю, видимо, даже с отдельным причалом.

Дверь высотой до самого потолка мне открыл улыбающийся до ушей Данил. Я шла за ним, даже не смотря по сторонам, и так понятно, что дом – полная чаша. Да и темновато было: лампы разгоняли мягким светом мрак лишь на маленьких пятачках вокруг себя.

В конце коридора показалась приоткрытая дверь, за которой, судя по книжным стеллажам, имел место быть кабинет хозяина, оттуда доносился тихий разговор. В кабинете бродила от стеллажа к стеллажу красивая женщина, нервно сцепив руки в замок, в кресле же, повернутом к окну, сидел, по ходу дела, сам хозяин всего этого добра, спрятанный от нас за высокой спинкой.

Женщина оказалась приветливой, несмотря на поздний

час и сумму того, что на ней было одето. Она улыбнулась и поздоровалась, положив передо мной на круглый столик свидетельство о рождении и свой паспорт.

Даник ввел данные верно.

Мужчина в кресле вещал на итальянском или на испанском, я не понимала разницы, но владел он языком, по моим ощущениям, как своим собственным, так быстра и насыщена была речь. Его паспорт лежал на краешке стола, ближе к нему, куда ни один из нас не решался приблизиться.

Все сидели, замерев, ожидая поворота большого кожаного кресла.

Правда, мы уточнили с Нонной Владимировной шепотом даты и страны, покачали головой при мысли о погоде, которая может помешать вылету, и потеряли всякую надежду увидеть лицо, которому и надо было подписать документ, когда кресло повернулось, явив нам хозяина кабинета – брюнета с красивым злым лицом, жетончик которого на Ладожском вокзале сегодня, а точнее уже вчера утром, никак не хотел открывать ему врата в метро.

– Доброй ночи! – выдал он дежурную фразу, его язык будто заново привыкал к русскому, чуть растягивая слова, чтобы убедиться в правильности произношения. – Где подписать?

Я аккуратно положила на стол листок и реестр на нужной странице.

– Ознакомьтесь, пожалуйста, с содержанием, и можно ваш

паспорт, Виталий Аркадьевич?

Он, бегая глазами по тексту, не глядя, пододвинул ко мне коричневую книжечку без обложки.

– Ты спятила? – вдруг тихо выдал он.

Я подпрыгнула, полагая, что это, видимо, ко мне вопрос. Но, как оказалось, гнев хозяина был направлен на его супругу.

– Куда ты тащишь ребенка?

– На отдых. Бразилия и Австралия – мечты Сережи, я уж молчу про айсберги. Сам знаешь. Корабль просто пройдет мимо Антарктиды. Круиз индивидуальный и не продолжительный, всего полторы недели. Он даже пропустит от занятий в школе всего дня три, – начала оправдываться женщина.

– Самолетом долетите! – рявкнул брюнет.

– Виталий, прошу, не устраивай разборок! Я понимаю, что ты ненавидишь водный транспорт, но с Сережей все будет хорошо!

– Я все сказал. Вы можете вычеркнуть это? – он воззрился уже на меня.

– Да, разумеется! – кивнула я.

– Витя, все уже оплачено, и Сережка очень хочет. Ты сам знаешь, какой он любознательный. Не лишай ребенка удовольствия из-за собственных фобий! – устало опустилась в кресло Нонна Владимировна.

Господин Тропинин так сжал ручку, что мне показалось, она рассыплется в прах. Губы его превратились в ниточку,

а тишина надолго воцарилась в кабинете.

– В следующий раз я прошу обсуждать такие вопросы со мной заранее. Это и мой ребенок тоже, – процедил мужчина, ставя размашистую подпись на полоске под текстом.

Нонна Владимировна явно что-то хотела сказать и явно нелицеприятное, но решила не спорить при посторонних, а может и побаивалась мужа. Хотя мужа ли? Ее паспорт лежал передо мной, и я невзначай его пролистала. Штамп о разводе с Тропининым В. А. датировался аж две тысячи десятым годом.

– Итак, согласие на выезд и получение необходимых виз Тропининым Сергеем Витальевичем. Ребенок выезжает с матерью в период с двадцать восьмого декабря... по шестнадцатое января. Вот здесь, пожалуйста, еще фамилию, имя и отчество полностью, – я указала пальцем на бланк и реестр.

Мужчина закончил расписываться и чуть приподнял руки, чтобы я могла забрать все свое добро. Я сверила его паспортные данные и подпись и аккуратно положила книжечку с гербом перед ним. Роспись, печать, и согласие переключало в руки Нонны Владимировны.

Взяв реестр и уложив печать в сумку, я встала и открыла рот, чтобы попрощаться.

– Задержитесь на минуту, – обратился вдруг ко мне хозяин кабинета. Его взгляд многозначительно указал Данику и бывшей жене на дверь, которая за ними и захлопнулась через полминуты.

– Я знаю, что могу наложить запрет на выезд сына, подав заявление пограничникам. А могу ли я запретить не страну, а способ передвижения? – зеленые глаза выжидающе уставились на меня.

– К сожалению, нет. По крайней мере, наше законодательство такого не предусматривает. В теории, если у вашего сына есть... было бы какое-либо заболевание, например, перелеты могли негативно сказаться на его здоровье, можно было бы обратиться в суд. Но, опять же, не уверена, что суд может принять подобное к рассмотрению. Все это только в пределах внутрисемейных отношений. Ограничить заявлением способы передвижения вы не можете. По крайней мере, о подобном я не слышала.

– Ясно, – губы мужчины опять превратились в тонкую ниточку. Мне же подумалось, что помимо законных способов, он вполне может позвонить какому-нибудь «знакомому» и решить этот вопрос другим путем.

Телефон Виталия Аркадьевича мелодично затренькал. Он приложил его к уху и опять заговорил на чужом языке. В этот раз ему пришлось еще и открыть стоявший перед ним ноутбук. Я же не стала ждать прощальных слов и вышла в коридор, тихо закрыв дверь.

Глава 2

– Откуда у нянечки детского сада такие познания в медицине? Интернет-образование? – я растянулась на диване, пристроив на животе почти остывшую чашку чая и, посмеиваясь, ожидала ответа от возмущенно хлопающей глазами Томи.

Наши чада в это время в комнате Абрикоса пытались определить между поеданием творожков, какого цвета будут у них крылья, если малышам вдруг посчастливится стать феями.

– Во-первых, что за провинция?! Я – не нянечка, а воспитатель! – пробубнила Томочка, засовывая конфету в рот.

– Ой, простите! – пришлось приложиться к чашке, чтобы скрыть улыбку.

– Во – вторых, я в медицинском колледже два года отучилась, уж имею представление о том, где у человека печень, как поставить укол и сделать клизму.

– Последнее звучит особенно забавно. А что же ты дальше учиться не стала?

– Да... Не мое это... Кровь... Фу! Как вспомню, так в дрожь бросает. Мама уж больно мечтала, что я по ее стопам пойду. Но не вышло. Думала, она будет мне припоминать это до скончания века. Но нет! Молчит! Она ведь у меня заслуженный медицинский работник. Ее на руках носят

в больнице до сих пор. Врачам советы дает. Спец от природы! А единственное, что мне от нее перепало, это умение с людьми ладить, в моем случае, правда, с маленькими, – улыбнулась подруга, отхлебнув из своей кружки.

– Значит, ты порекомендовала отцу Николасика сходить на УЗИ печени? – тут я не выдержала и рассмеялась.

Папа новенького мальчика ранее пребывал в полной уверенности (ошибочной, конечно), что Тома в него безумно влюблена, а все из-за ее к нему отношения. Оно, по мнению «новенького» папы, было, хм... несколько предвзятым. На самом деле Тома докапывалась до всех родителей, чтобы те за детками следили, и не сильно малышкой баловали.

Сегодняшний вечер, однако, доказал отцу Николаса, как он не прав, и я стала тому свидетелем, вместе с еще парой мам, забежавших за своими чадами. Видя покрасневшее лицо бедного папани, стоявшего на коленях, согнувшись в три погибели над ножкой сына, который и сам мог бы в сапожки запрыгнуть, но вместо этого игрался с телефоном, а еще следует отметить, что бедолага-отец прижимал руку к правому боку, жалостливая Тома ему выдала по доброте душевной, что-де не мешало бы себя побереечь и «печенюшку» проверить. Лицо господина-не-знаю-имени-отчества невероятным образом поменяло окрас сначала на белый (от удивления), но потом плавно вернулось к пунцовому, уже от возмущения и негодования. Отец Николаса оказался не мужиком, а визгливой бабой, который усмотрел в сказанном ве-

ликое множество оскорблений и даже обвинение в алкоголизме. Потребовал жалобную книгу, и, размахивая руками, начал угрожать Томочке, что оставит в Интернете о садике самые что ни на есть плохие отзывы, а о ней – как о хамке, в частности.

Напугал!

Тома предложила ему оплатить Интернет и даже самой составить отзыв и отдать ему на проверку. Шутки он тоже не понял и вылетел из садика, волоча за собой сына в наспех застегнутой куртке без шарфа и варежек. А еще через пятнадцать минут начала названивать мать Николасика...

В общем, Тома заявила, что при всей любви к окружающим, ей отпуск необходим. И на новогодние праздники они собрались поехать к родным, благо они у Томы не так далеко от Питера живут, в Пскове.

А вот тут мне взгрустнулось. Все разъезжались! Похоже, коротать нам праздники с Абрикосиком на пару.

Подруга еще минут пять повздыхала над горькой судьбишкой и возвестила Наташе, что пора домой.

Растащить двух увлеченных рисованием девчонок то еще приключение. Угомонились и собрались все только спустя час после уговоров, криков и двух чашек чая с парой конфет в качестве антидепрессанта, которые мне потом аукнутся голодовкой. Ведь времени на спорт совершенно не оставалось, приходилось хоть как-то следить за фигурой. Хотя... Спорт был: забеги до работы и обратно, в магазин, и еще ку-

чу мест, расстояние до которых кажется смешным, если под рукой личный транспорт. А вот при его отсутствии между той же почтой (а дедушка и бабушка балуют малую «вкусными» посылками с юга) и домом пролегает пропасть, которая имеет к тому же тенденцию к росту.

Заплывы в ванне в связи с припозднившимися гостями и необходимостью укладываться спать были сокращены, и в десять зацелованная доча уже обнимала плюшевого зайца и сопела в обе дырочки, а я пыталась вымыть голову и подготовиться к завтрашнему походу на работу.

Телефон завозился в сумке в тот самый момент, когда я пыталась расчесать влажные волосы.

Номер был мне не знаком, причем он был городским, что редкость в наше время. Однако, звонивший оказался настоящим и, приложив трубку к влажной щеке и пытаясь влезть в тапочек, я ответила на звонок.

– Соня, деточка! – хриплый женский голос ввел меня в ступор на пару мгновений. Женщина шмыгнула носом, она явно плакала, но сейчас пыталась совладать с собой и говорить нормально, получалось у нее это, однако, плохо.

– Валентина Алексеевна?! – осознание того, с кем я говорю, было, скажем так, не из самых приятных – шумно дышала и всхлипывала на другом конце провода мать Дмитрия, моего бывшего уже как четыре года мужа.

Не могу сказать об этой женщине ни плохого, ни хорошего, потому как за пять лет, пока мы были в браке, я и видела

ее всего раз пять (на ее дни рождения нас приглашали в гости), после развода, соответственно, не встречалась вообще. Она не пыталась со мной связаться, не интересовалась внучкой. А я не из тех людей, кто на подобном будет настаивать.

Мое весьма поверхностное представление о ней сложилось исключительно по рассказам мужа, его друзей и собственных умозаключений, за то короткое время, которое мы, так сказать, были знакомы.

Мать Димы была истинной женой, женщиной «замужем». Она никогда не принимала решений самостоятельно, по-моему, даже не имела права голоса на семейном совете. Все и всегда за нее решали сначала муж, а когда его не стало – сын. Она точно знала, где находится продуктовый магазин и поликлиника, все остальное, будь то плата за квартиру, оформление пенсии и прочие радости социума были под контролем мужчин.

Муж определял, что они купят, что они будут есть, куда они поедут. Бесправие какое-то! Для меня такое поведение было дикостью. Я привыкла работать, добиваться чего-то сама, принимать решения. Отчасти поэтому нашей с Димой семье не суждено было долго продержаться. В воспитании ребенка, в совместном проживании, при принятии решений я могла пойти на компромисс, просила совета, соглашалась, если знала, что это важно для мужа, хотя сама чувствовала, что это не всегда правильно. Но семья не виделась мне рабством и неуважением. И попытки Димы раздавать приказы

(вынесенные из их семейного «домостроя»), его заявления, что все есть плод труда (притом, что до рождения ребенка, да и сейчас, думаю, моя зарплата значительно превосходила заработок мужа, и жили мы в квартире, купленной моими родителями) все вышеперечисленное вызывало сначала просто негодование, потом споры, потом ссоры. А потом... развод. Конечно, не только это стало поводом, но все же...

Пока эти не особо милые сердцу воспоминания проносились перед моим внутренним взором, женщина справилась с собой и заговорила.

– Сонечка, помоги, прошу тебя, милая! Дим-ма... Димочки... Он... – она опять заплакала навзрыд, со стоном вбирая в себя воздух. – Дима... разбился...

Мое сердце в тот момент ухнулось вниз, кажется, ударившись об пол, и замерло. Я пыталась его запустить, пыталась придумать сотни отговорок, оправданий, вариантов вплоть до того, что это сон, и я сейчас проснусь. Но слова были сказаны. Глаза наткнулись на белый лист бумаги, который малышки оставили на кухонном столе, не успев прикоснуться к нему цветными карандашами. Их мир получился бы ярче моего. Ярче грязного снега с черными прогалинами, тусклого серого льда, толпы темных призраков тех, кто придет на кладбище, полное серых надгробий. И над головой будет серое небо с черными точками воронья. Я уже видела такое. Раз, правда, когда умерла бабушка. Но и этого хватило.

Лавина памяти затопила, захотелось сжать руками сердце,

которое вдруг забилося с неистовой силой.

Огромный, переливающийся огнями Невский проспект, прохладная августовская ночь, колышущиеся от легкого ветерка петунии в кадках, ярко одетые туристы с мороженым и фотоаппаратами, громада колоннады Казанского Собора, приглашения прокатиться на речных трамвайчиках, плеск воды Фонтанки, четыре хрупких всадника и четыре диких коня, запруженная машинами Площадь Восстания, буквы, мелькающие в российский сериалах на гостинице Октябрьская «Город-герой Ленинград», старинные особняки и новостройки с мраморной облицовкой, Александро-Невская Лавра с гордым всадником на площади и, кажется, раздвинув само пространство – огромная Нева.

Теплый воздух от пронсящих машин, ветер на верхней точке моста Александра Невского, (его вот-вот разведут!) вырывает из рук кофточку. Горячая рука Димы. И мы уже бежим, чтобы успеть на ту сторону реки к началу Заневского проспекта, к надвинувшемуся на реку силуэту Гидромета.

Километры по набережным, плавно перетекающим друг в друга, любопытство, где же граница, пунктир, который отделяет ту же Свердловскую от Арсенальной?!

Сотни метров, тысячи шагов. Если бы были крылья, я скользила бы над поверхностью Невы, в которой отражается самый красивый город в мире и космос – звездная бесконечность.

Захватывающий, опьяняющий поцелуй на первом свидании на Стрелке Васильевского острова. Мы не выбивались из толпы, там было много таких же под «наркотой» лета, тепла, ночи, залитого огнями Зимнего Дворца и близости счастья. Мы держали его в руках, это счастье. Может, поэтому Северный город так силен. Ведь тысячи людей отдают ему самые искренние, самые сокровенные чувства.

– Помоги, пожалуйста, Сонечка! Она же меня выгонит из квартиры. Она меня убьет!

Я замотала головой, скидывая наваждение.

– Валентина Алексеевна, что случилось-то? – нетерпеливо бросила я.

– Ой... Я... Я не могу...

– Так, отдай трубку! – оборвал стенания строгий голос женщины, послышалась возня, и разговор со мной продолжилась, видимо, хорошая знакомая Диминой матери. – Вас Соня зовут? Вы – мать Настеньки, дочка Димы?

– Да, – я, если честно, была так ошарашена, что, наверное, все пин-коды от всех карточек бы сдала, если бы спросили.

– Я – соседка Вали, Маргарита Николаевна меня зовут. Тут такое дело, Сонечка. Сын ее в аварию попал неделю назад. Он шоферил, как я поняла, возил грузы из Финки, ну вот и занесло. А невестка тут такое устроила! У Вали приступ за приступом, только и успеваем, что скорую вызывать. Она сейчас и Валю на тот свет отправит. Ты бы приехала, а?!

– Но я... – дар речи ко мне еще не вернулся.

– Да, понимаю я, что этот охламон тебя с ребенком оставил. Дурил много! А ты не брыкайся, Валя. Как есть говорю. Только он, Соня, дурак был, но что-то почувствовал. Господь ведь не зря у себя на небе сидит. Димка ведь месяц назад завещание на квартиру на тебя сделал и на дочку. Жена его нынешняя о том прознала, весь дом перевернула, все документы, фотокарточки, все порвала, криком кричала, что все ее тут, что место Вале в дурке нашла. Ты же девочка умная, Валя говорит, юристка. Сама знаешь, квартира какая...

О да, я это знаю! Эта квартира – та еще головная боль. Да, это центр города, прекрасный вид на Невский проспект, да, это почти восемьдесят квадратных метров. Да! Только в этот кошмар (запомнившийся мне при последнем визите туда почти шесть лет назад) надо вложить еще столько же, сколько пророчат агенты за его продажу. А, соответственно, найти сумасшедшего, который на это готов. Уйма денег, чтобы довести квартиру до ума – то бишь, сделать капитальный ремонт с перекладыванием стен, разбором пола, и, желательно еще и полдома прихватить, потому как деревянные перекрытия, видневшиеся в черных провалах потолка, где местами отвалилась не то чтобы штукатурка, а скорее часть этого самого потолка, меня лично пугали. И все это еще и согласовать со всеми возможными инстанциями, ввиду того, что дом то непростой, а носит громкое название «памятник архитектуры».

Огромные старые деревянные окна, подгнившие со сто-

роны улицы, на которые мать Димы слой за слоем из года в год наносила краску, купленную еще его отцом. Почти уже разобранный паркетный пол, дощечки от которого хозяйка прятала в чулан. Гудящие ржавые трубы в санузле. Валентина Алексеевна в силу своей женской природы старалась поддерживать чистоту, но без мужской руки там было не обойтись, а иных особей мужского пола, кроме мужа или сына, она не признавала. Только первого уже не было лет десять как, а второй лампочку вкручивал с горем пополам.

Но дело было даже не в этом. Когда отставной полковник, отец Димы, получил эту квартиру от исполкома или от Минобороны, а точнее, когда пришла новая власть, и все начали массово жилье приватизировать, глава семьи хлопнул кулаком по столу и сказал: «Все сыну». Мать, разумеется, даже не пикнула. Хоть у нее и оставалось волшебное «право пользования», собственником она ныне не являлась.

– Валя еще и в долги влезла, Сонечка. Невестка-то платить отказалась за похороны, как узнала про завещание. Ой, Сонечка. Страшно Вале, да и мне страшно. Нынче вон пришла окаянная с бандитом, он чуть дверь не вынес, мы участковому звонить. А она орет на всю парадную, я – законная жена, и все мое.

Вот только этого мне не хватало!

– Валентина Алексеевна с женой Димы могут вступить поровну в наследство и продать квартиру! Я не хочу в это лезть!

– Да она ж Валю сгноит, дитяtko! Ты приедь, милая, по-

смотри!

Кажется, вторая дама тоже готова была разреветься.

– Хорошо, хорошо, я завтра приеду вечером, после работы!

– Приедет она, Валя, не реви, завтра приедет. Сегодня? Ты что?! Ночь-полночь, а нее ребенок! Ждем тебя завтра, Сонечка!

Трубку положили молниеносно, видимо боясь, что передумаю, а я так и сидела с телефоном в руках, уставившись в пространство.

Глава 3

Утро после бессонной ночи закономерно началось с неудач. Чашка разбилась. Абрикосик капризничал. Вещи куда-то попрятались. Я ворчала на дочку, которая, собственно, была абсолютно не причем. В конце концов Настюша посмотрела на обвинителя полными слез глазами, и мне захотелось себе врезать.

А ведь когда-нибудь ей придется рассказать про папу.

Я прижала кроху к себе, и слезы все-таки побежали по щекам, быстро смахнув их тыльной стороной ладони, я улыбнулась лапочке.

Тома, завидев меня, округлила глаза, а я махнула рукой, что, мол, потом объясню, и, расцеловав дочку, вышла на крыльцо садика. Толкаться в метро сил не было. Сил вообще ни на что не было.

Темнота за окнами подъехавшего такси, тепло и бубнеж радио вогнали меня в дрему вязкую и отвратительную. Ее хотелось сбросить, но она, точно паутина, липла к пальцам и лицу, не давая двинуться. Образ Димы призраком ходил вокруг.

В смерть всегда верится с трудом. А она – самое реальное событие в жизни, полной самообмана.

За окном мелькали гирлянды и елки, деды морозы и санта-клаусы, новогодняя атрибутика стала насмешкой над слу-

чившимся, рушащим к чертям все настроение грядущего праздника.

Такси остановилось у входа в парадную, где располагался офис. Петроградка тонула в море людей, несущих на плечах капли дождя, обдувающих холодным ветром, проходя мимо. Я замерла у двери. Хотелось развернуться и поехать домой, сесть в кресло, пить вино и плакать. Только нельзя, некогда! Может, это и хорошо!

В будни работает полный состав секретарей. Возмущенные реплики одной из них я услышала еще на лестнице.

– Эта... Эта... Она опять встала на три места! Как?! Как можно быть такой криворукой за рулем! Я теперь понимаю, зачем ей красный Бентли – чтоб шарахались все! Пришлось квартал под дождем топтать!

Рядом с нашим офисом имелись три парковочных места. Они находились на территории ТСЖ, но нам разрешили заезжать за шлагбаум и ставить машинки там, потому как-либо владельцы квартир тут не обитали, либо парковались где-то в другом месте.

Но Ирина Викторовна, молоденькая супруга владельца агентства недвижимости, которое располагалось этажом ниже, видимо, считала, что это все принадлежит ей. А с учетом того, что она приезжала чуть раньше на работу, то одним своим розовато-красным авто захватывала все три парковочных места, становясь практически поперек. Зоя, которой было начхать на марку машины, уже не раз поясняла в красках

симпатичной автоледи, что та не права. Но в данном случае анекдот про блондинок и куриц за рулем «зашел» бы на ура!

Это доводило Зою до белого каления, она бы и шины ей проколола, если бы не камеры и не стоимость колес: одно из четырех стоило дороже машины возмущенной девушки.

На столе уже лежала гора готовых документов, в приемной толпилась куча народу. Автомат с кофе позволил мне заполучить эспрессо, в котором стояла ложка, а воды было на грамм, но эта вода бодрила! А потом пошли люди. У них тоже кто-то умирал, кто-то уезжал, кто-то богател, кто-то открывал в себе таланты, кто-то заводил семью. Они говорили, раскладывали на столе стопки бумаг, открывали блокноты, доставали телефоны. А я ловила себя на мысли, что смотрю в окно. Там неслись по Каменноостровскому проспекту машины, дождь чертил на стекле лишь ему понятные узоры и схемы, перемигивались светофоры, чьи три глаза расплывались от водопада, бежавшего по стеклу в смазанные пятна.

– Димка погиб. Возьмешь Абрикоса? Надо к его матери съездить!

– Конечно, не вопрос, – голос подруги по телефону дрогнул. – Расскажешь потом!

Телефон пискнул и отключился.

Такси до дома матери Димы я вызывала и отменяла три раза. Это оказалось больнее, чем я думала – прикоснуться к прошлому. Не только из-за того, что Димы больше не было, но и потому, что я предпочла когда-то расстаться с пло-

хими воспоминаниями и оставить лишь хорошие. И рушить сложившуюся систему совсем не хотелось.

Но делать шаг пришлось. Мы с таксистом постояли во всех возможных пробках. Под конец, я уже хотела встретиться, все решить и зажить спокойно.

Широкая лестница, лифт за витыми перилами в железной трубе, которая архитектором не предусматривалась, испортив и без того угрюмую парадную. Верхний этаж. Старые высокие двери толстые, деревянные, окрашенные в грязно-коричневый цвет. С сотнями отмытых от сотен замков всех тех, кто жил тут когда-то.

Одна из створок приоткрылась и, подслеповато щурясь, в щелочку ограниченную металлической цепочкой выглянула женщина.

– Соня?

– Да, Валентина Алексеевна, это я.

Она захлопнула дверь, зашуршала замком, через мгновение распахнув огромную створку.

Мать Димы сильно постарела, да ей и было за семьдесят. Седые волосы прилизаны и собраны резиночкой, прямое черное платье, бледность и запах, застоявшийся запах старой квартиры, старых вещей, старых воспоминаний. Она была ниже меня почти на голову, хотя я ростом-то не отличаюсь. Хрупкая, худощавая. Дима был очень похож на нее в молодости. Блондинка с яркими голубыми глазами. Полковнику было чем хвастаться перед сослуживцами, когда он привез

ее в гарнизон из Ленинграда в пестром ситцевом платье.

– Проходи, пожалуйста. Не разувайся! – замахала она руками и как-то благоговейно забрала у меня пальто. Не став вешать его на вешалку, где все еще висели куртки сына, она отнесла его в спальню и положила на кровать.

Я все-таки разулась и прошла на кухню. Она шла следом, и, присев на стуле, украдкой рассматривала меня. Повисло тягостное молчание.

– Дима от Светы ушел уже почти три месяца как, – заговорила она вдруг. – Пил, – сокрушенно покачала головой Валентина Алексеевна. – Приходил после работы, все пельмени варил и водки три рюмки одним махом. И спать шел. Ложился лицом к стене и так и лежал. Тосковал все, – старушка вскинула голову. – По дочке.

– А что не пришел? – я горько усмехнулась.

– Боялся, ты непустишь. Он ведь денег мало давал. Все думал, как тебя задобрить. Вот и написал завещание. Чтобы тебе и Настеньке...

Внутри у меня случился мини ядерный взрыв, и затопила обида.

– Просто не хотел и все! – грубо перебила я.

Она вздрогнула.

– Простите, Валентина Алексеевна! Что было, то было. Не изменишь! Если я могу чем-то вам помочь...

Она вдруг подорвалась со стула и, схватив меня за руку, потянула из кухни в коридор с обшарпанными обоями и ста-

рым деревянным комодом, толкнув одну из дверей, женщина нашарила на стене выключатель.

Комната Димы. Из мебели кровать, стул, на котором аккуратной стопкой лежали рубашки и джинсы. Стол, на котором стояли ноутбук и принтер, шкаф и куча распечатанных фотографий на стене. Их явно было больше, но чья-то безжалостная рука уничтожила основную массу, срывая и сминая. А чья-то жалостливая разгладила смятые листы. На них была Настя. Разных возрастов: от самых первых, где она – крохотная мышка среди больших одноклассников, до совсем недавних, где они со Сливкой позируют на утреннике. Он брал их из соцсети, с моей страницы и из группы детского садика.

И одна фотография наша... свадебная. Дима был высоким, метр девяносто, и приколот ее высоко, так что разъяренная нынешняя жена не допрыгнула. Как и я, впрочем.

– Вот! Я его у Маргариты спрятала! – в руках матери Димы в файлике лежало завещание.

Черные петельки и завитушки на оранжевой поверхности бланка гласили: «Все имущество... на случай своей смерти я, Дмитрий Федорович... тысяча девятьсот семьдесят седьмого года рождения, завещаю... в равных долях дочери – Анастасии Дмитриевне и жене – Софье Аркадьевне...»

– Жене... – я глупо тарасилась на бумажку. Слова по одному понятны, а в предложение со смыслом не складывались.

В прихожей засвистел райской птицей звонок. Валентина Алексеевна вздрогнула, но отправилась открывать, а я все смотрела на бумагу с гербом и не понимала, что происходит.

– Ну, что, она пришла?! – знакомый женский голос огласил весь коридор. – Вот отлично! Пойдем на кухню, посидим.

Я положила документ на закрытый ноутбук, и как зомби пошла на голос.

Маргарита Николаевна оказалась тучной, боевой старушкой в цветастом платье и большой вязаной шалью на плечах.

– Сонечка! – она вскочила при моем появлении и, подбежав, приобняла за плечи. – Присядь, дорогая. Ты ей показала завещание? – спросила она замершую у старенькой раковины хозяйку. Та кивнула. – Ну, вот и отлично! Димка как чувствовал. Как знал! Помоги, Сонечка! Эта Светка – стерва та еще. Все под себя подгребет. А так, продадите квартиру, и внучке хватит, и вон Вале, где однушку, чтоб хоть на старости лет-то спокойно...

– Да ничего мне не надо! – Валентина Алексеевна уткнулась в платок.

Опять затренькал звонок, и вот тут я увидела настоящий испуг. Обе старушки застыли соляными статуями, с широко открытыми от ужаса глазами. Вскоре раздалась барабанная дробь в многострадальную дверь. Все присутствующие обратили свои взоры ко мне. Уходить тот, кто тарабанил, не собирался. А слово «жена» никак из головы не шло, я вста-

ла и направилась к двери. Маргарита Николаевна, не успела поймать меня за руку, и теперь обе бежали за мной. Я отстегнула цепочку и распахнула дверь.

На пороге стоял мужчина. Рядом с ним топталась невысокая, крашенная блондинка в белом пуховичке.

Наше трио воззрилось друг на друга, бабульки застыли далеко позади посреди коридора.

– Ты! – женщина, точно очнувшись, уперла руки в бока и с ненавистью воззрилась на меня. – Вот нахалка, а?! Ты посмотри, Сереж. Уже здесь!

– Светлана? – на всякий случай уточнила я.

– А то не знаешь! Это ж ты Диме насвистела, чтобы он дурное это завещание написал! А этот бухарик и рад был стараться. Тварь! – она рванулась ко мне, но была перехвачена своим спутником. Тот аккуратно приподнял яростно трепыхающуюся женщину и, подождав пока она успокоится, поставил на место.

– Остынь, – грубо оборвал он подругу голосом заправского курильщика. – А тебе, – повернулся он ко мне, – я так скажу.

Двигался он быстро, боль шла гораздо медленнее, но когда она доползла до пункта назначения, голову пронзило словно током. Он ударил кулаком по губам. Не сильно, иначе бы просто сломал мне челюсть, но этого хватило, чтобы рот наполнился кровью.

– Полезешь – будет больнее! – в тусклом свете лампы его

глаза были черными провалами, а лицо абсолютно спокойным, а мне стало страшно.

– Валя! Валя! Звони в милицию! – послышался крик Маргариты Николаевны за моей спиной. А я все встряхивала головой, как взнузданная лошадь, пытаюсь скинуть подбирающийся мрак.

Мужчина, обхватив за плечи онемевшую Светлану, начал спускаться вниз по лестнице. А вокруг меня закрутилась тьма, пытаюсь продавить своей тяжестью в небытие.

Глава 4

Нет, сознание я не потеряла. Вцепившись в дверной косяк с выщербинами, оставлявшими в пальцах и ладони занозы, я сжала его что есть силы, чтобы боль из головы переместилась в руку. Весь мир был будто за тонкой невидимой пленкой, и она лишь слегка резонировала от того, что творилось вокруг.

Мне никогда еще за мои тридцать с копейкой не угрожали, никогда мужчина не поднимал на меня руку. Отец, помнится, раз ремнем по попе отходил, когда в седьмом или восьмом классе я прогуляла две недели школы, но он переживал это гораздо сильнее, чем тот, кто потерял пятую точку ладошкой и пошел по своим делам.

Цепляясь за все тот же косяк, я кое-как поднялась на ноги. Вокруг крутилась и причитала Маргарита Николаевна, из соседней квартиры, вход в которую преграждали такие же древние деревянные двери, выглянула еще одна старушка. Валентина Алексеевна, привалившись к стене, держалась за сердце, хрипло дыша и закрыв глаза.

Губа распухла и была соленой на вкус, язык постоянно норовил прикоснуться к ней, смакуя волны неприятных ощущений.

– Сонечка! Ой-ой-ой! Валя, что же будет?! Ты посмотри, что творят, ироды! Чуть девку не убили! Что делается-то?! –

старушка в разрисованном яркими маками и синими незабудками платье казалась цветастым торнадо. – Сейчас, дорогая! Милицию вызвали! Может скорою?

Я отмахнулась, Маргарита Николаевна приобняла меня за талию и потянула на кухню.

– Валя! Валя! Я сейчас накапаю тебе корвалола! Господи, что делается?!

Она мельтешила по кухне, хлопая шкафчиками. Мой взгляд уже шестой раз натыкался на нужную бутылочку с сердечным лекарством при очередном открывании бестолково суетящейся женщиной дверцы. Она опустилась на колени и трясущимися руками начала зачем-то рыться в ящике со столовыми приборами, тускло поблескивающими в свете единственной лампочки.

Я тихо встала и, взяв бутылочку, открутила крышку и накапала положенные сорок капель в приготовленный Маргаритой Николаевной стакан с водой, и, прихватив его, вышла в коридор. Дверь в парадную так и была настежь открыта, Валентина Алексеевна прижавшись спиной к стене возле вешалки, вцепилась руками в куртку Димы, плечи женщины дрожали.

– Выпейте, – говорить было неприятно из-за раздувшейся губы. – Пойдемте на кухню.

Втиснув в руки, повернувшейся ко мне старушки стакан с лекарством, я подошла и бережно закрыла дверь. Она была сейчас нашим единственным спасением от того мужчи-

ны. По дороге назад я обняла крохотную женщину за плечи и потянула в сторону двери, откуда до сих пор доносились звуки открываемых и закрываемых шкафов.

Маргарита Николаевна все еще бегала по кухне, состояние шока не отпускало женщину, заставляя метаться туда-сюда, она уже даже не помнила, что искала, но увидев нас и стакан в руках Валентины Алексеевны, замерла и через мгновение осела на стул.

– Надо тебе лед приложить, – вдруг подпрыгнула она и опять развела бурную деятельность, копаясь в морозилке.

Я усадила бабушку Насти на стул между подоконником, стеной и столом, женщина все еще стискивала стакан с лекарством, как последнюю надежду, едва его пригубив. Взяв пакет с кусочком мяса, который протянула мне Маргарита Николаевна, даже не обернув тканью, я приложила к губе, стиснув зубы, и зашипев, как рассерженная кошка.

Маргарита Николаевна, все порывалась что-то сказать, даже открывала рот, но нарушить повисшую тишину так и не решилась.

Зато хватило у кого-то другого. В дверь в очередной с раз позвонили.

– Полиция! Открывайте! Что у вас случилось?! – донесся до нас приглушенной дальностью и дверями голос.

Маргарита Николаевна с проворностью лани исчезла в коридоре, и уже оттуда прибывшим стражам порядка было доложено о происшествии в красках.

– Бабушку сжить со свету хотят! Все из-за квартиры! А у нее только сын умер! Этот бандит чуть законную наследницу не убил! Все лицо разбил! Вы идите, посмотрите!

Двое мужчин в толстых темных куртках с нашивками заглянули на кухню. И один из них грустно так поинтересовался, мазнув по мне взглядом:

– Заявление писать будете?

– Конечно, будет! – завопила активистка. – Разве можно такое спускать?! Он и Вале угрожает!

Дальше Маргарита Николаевна уподобилась великому сказителю Бояну, воспевавшему отвагу и хулившему преступников. Мужчины еще больше погрустнели. Нелюбимое слово нашей полиции «бытовуха», лезло изо всех щелей. Две жены не поделили квартиру, куда уж «бытовушнее»

– Травмпункт в соседнем доме, снять побои можно там, – вдруг проникся один из стражей порядка, вставив слово, в то время как Маргарита Николаевна пыталась набрать воздуха в легкие для новой тирады, и что-то черкнув на бумаге, вручил ее мне. – Подойдете потом сюда, заявление напишите. Где живет обидчик?

– Без понятия, – проямлила я.

– Валь, а ты знаешь, где Светка живет?! Ведь это ее новый хахаль же?! – поинтересовалась реинкарнация великого гусяря у подруги.

Та покачала головой.

– Когда вместе жили с Димой, квартиру на Пискаревском

где-то снимали, а сейчас... – ее голос стал едва слышным.

Полицейские еще покрутились, дали что-то подписать, причем презрев весь опыт работы, то, что подписывала, я даже читать не стала, и, наконец, входная дверь щелкнула замком.

Голова болела до жути. Телефон в сумке настойчиво чирикал. Звонила Тома. Этот звонок проигнорировать я не могла.

– О Господи! – воскликнула подруга, услышав краткую сводку с фронта в моем изложении, а потом, видимо, сама себе рот рукой зажала, чтобы девочек не напугать. – Так! Ты все делай, что надо! За Настю не бойся! Все хорошо с ней, с Наткой играют. Андрей (муж Тома) дома! Когда с полицией закончишь – звони, он заберет!

– Спасибо, – сил говорить и объяснять, что в полицию я вряд ли сегодня пойду, не было, до врача бы добрести и то победа.

Маргарита Николаевна прислушивалась к моему разговору, и когда я отключилась, повернулась к сидевшей как нахохлившейся воробушек, на стуле подруге

– Ты, Валь пойдешь ко мне! Нечего тебе тут делать! У меня и комната пустует! Внуки все равно не скоро приедут, только после праздников.

– Нет, – покачала головой Валентина Алексеевна.

– Никаких «нет»! – хлопнула ладонью по столу старушка. – Донекалась уже! Что делать-то будешь, Сонечка?

Я пожалала плечами. В голове была звенящая пустота.

– Вот телефон мой. Валя у меня пока поживет! – она вручила мне клочок бумаги с номером мобильного; не раз обведенные для ясности ручкой цифры черными змеями скользили по белому листочку. – Позвони, как оклемаешься.

Я кивнула и, встав, подошла к Валентине Алексеевне. Не знаю почему, порыв, наверное, но я обняла ее, прижав вздрагивающую одинокую женщину к себе. Такую же одинокую, как я.

Нет! У меня есть Настюша!

Мысль о дочери, как маленькое солнце, согрела, озарила мрак, в котором я плавала. Старушка тихо заплакала. Я гладила ее по голове, мне было ее безмерно жаль, ведь ее некому было защитить.

Травмпункт оказался действительно рядом. Причем, напротив того самого отдела полиции, адрес которого мне вручил приехавший страж порядка. Процедура осмотра состоялась в секундном взгляде усталого сонного врача, и нескончаемой писанине в куче бумаг, две из которых перекочевали в мои руки.

Когда я вышла на улицу, пошел снег. Белый, легкий он порхал, как стая мотыльков, ложился на мокрый, черный асфальт, припаркованные машины, жухлую траву крохотных газончиков. Его сил-крупинок не хватило бы, конечно, чтобы накрыть Питер белым одеялом, да и то, что есть, к утру превратится в воду под ногами. Ее впитают канализация

и земля.

Старые двухэтажные здания отдела полиции и медпункта глядели друг на друга глазами-окнами, как два старых приятеля, они наверняка вместе прошли и пару войн, и революцию видели, может еще и восстание декабристов захватили.

Окна их были залиты светом, и там сновали люди. Разные люди разных эпох. Век назад за этими каменными стенами едва ли знали об изобретении Эдисона, и освещали их мир куцые свечки и маслянные лампы. Чуть больше полвека назад тут оживала жизнь после снятия блокады. А теперь тут ютились компьютеры и рентген аппараты.

Я позвонила Андрею, надеясь, что подруга уже спит, но не тут-то было. Ее советы и вздохи были хорошо слышны на фоне молчаливого мужа. Андрей заверил, что я их никоим образом не напрягаю, и он прибудет минут через пятнадцать-двадцать.

После всего перенесенного ноги держали с трудом. У отделения полиции под кустом, а ныне голыми ветками, ютилась небольшая лавочка, куда я и села, накинув капюшон и спрятав замерзающие руки в рукава пальто.

– А вы не знаете, сколько время? – детский голос заставил меня вздрогнуть и выйти из легкой дремы.

Передо мной в аккуратном темном пальтишке и черных шарфе и шапочке крупной вязки стоял, переминаясь с ноги на ногу, мальчик.

Я порылась в сумке и, нашарив телефон, сощурилась

от яркого света, хлынувшего с экрана.

– Без пяти одиннадцать.

– Спасибо, – он вздохнул, еще с полминуты потоптавшись, уселся на скамейку рядом со мной.

– Ждешь родителей? – спросила я спустя минуту. Странно в такое позднее время оставлять ребенка и идти по делам.

– А... Да, – кивнул он, отчего верхушка шапочки тоже качнулась. – Наверное, – добавил мальчик уже менее уверенно. – Папу жду.

– Понятно, – я вжалась в пальто сильнее. – Он у тебя в полиции работает? Это здорово.

– Нет. Я... Я думал, он меня тут найдет, – мальчик понурил голову, и шапочка накренилась вслед за носителем.

– Ты потерялся? – я села прямо и посмотрела на мальчугана.

Тот обернулся ко мне и, вздрогнув, отшатнулся. Ох, я и забыла про свою красивую губу, да и лицо в целом!

– Не бойся!

– А я и не боюсь! – он сглотнул.

– Так ты потерялся? – я опять скрыла лицо в тени капюшона.

– Нет, – испуганно замотал головой ребенок.

– Если потерялся, то папа тебя уже хватился и беспокоится. Иди в отделение, там уже знают, скорее всего, что тебя разыскивают. Если дети теряются, родителям очень страшно и плохо.

Мальчик посмотрел в сторону старого здания, куда только что подъехала с выключенными мигалками машина ППС, и вдруг подошел ко мне ближе.

– Папа будет ругать, – его голос дрогнул, – ведь я убежал.

– Ну, ничего себе! Тогда тебе надо быстрее домой! – я старалась говорить спокойно, как ни странно, после валокардина, выданного мне в травмпункте, это было гораздо проще. Хотя озноб начинал пробираться, то ли давление у меня росло, то ли температура на улице падала.

– Я не знаю, как попасть домой, – выпалил мальчуган.

– У тебя нет телефона? Обычно школьникам уже дают телефон родители. Ты можешь позвонить отцу, и он тебе заберет. Или я тебе могу дать свой.

– Когда я решил убежать, я прочел, что нельзя брать с собой телефон, потому что по нему можно найти, где человек спрятался, а номер я не помню. Папа подарил мне телефон, там уже были номера его и мамы, и бабушки.

– Почти все продумал? – улыбнулась я.

Шапочка опять запрыгала.

– Если хочешь, можем вместе пойти в полицию, я посмотрю, чтобы тебе помогли? – я качнула головой в сторону здания, зря я это сделала. Мир слегка поплыл от резкого движения, и я приложила холодные пальцы ко лбу.

– Соня! – слышался оклик.

Я повернулась и увидела мужа Тома, оглядывающегося по сторонам у входа в травмпункт. Худощавый, невысокий

мужчина с добродушным лицом увидел мою махнувшую руку и быстро подошел. Капюшон мой упал.

– Да! Дела! Хорошо, что хоть челюсть тебе не сломал! Пойдем? Я тут за углом припарковался.

– Секунду! – я повернулась к мальчику. – Так что, тебе помочь? – не бросать же тут ребенка. Если не согласится, просто сообщу в отделение, что у них тут «потеряшка».

– А вы можете отвезти меня домой? – мальчик вскочил на ноги и умоляюще посмотрел на нас.

Андрей удивленно воззрился на меня.

– Убежал из дома, – проинформировала я. – Но ты же не знаешь, где живешь? – обернулась я к мальчугану.

– Я знаю, что место называется Лисий Нос, и дом я помню, как выглядит! Пожалуйста! Я очень хочу к папе!

– Лисий Нос большой! Дом ночью искать не реально, – растерянно развел руками Андрей.

– Там много охраны, и там море рядом, – затараторил мальчик.

– Часть поселка, особенно рядом с заливом, занимает элитная недвижимость, там полно охраны. Я там была пару раз по работе. Есть места, куда вообще не пускают простых смертных. Может лучше в полицию? – улыбнулась я мальчику.

По его личику побежали слезы. Мы с Андреем переглянулись. Последний почесал затылок.

– Его тут промурыжат и потом отправят в Дом ребенка

до заявления от родителей, – покачала я головой.

– Ну, если ты приблизительно знаешь, где находится дом... Просто спросим у охраны. Фамилию то ты помнишь папину? – тяжело вздохнул муж Тома.

– Конечно, помню! – мальчик шмыгнул носом. – Тропинин его фамилия, и моя тоже, а папу зовут Виталий.

Я тяжело вздохнула, прижав ладони ко лбу.

– Поехали. Я, похоже, знаю, где живет наш гулена.

Маленький и большой мужчины удивленно воззрились на меня.

– Твоего папу зовут Виталий Аркадьевич? А тебя, наверняка, Сережа? И по логике вещей, ты сейчас должен быть где-то в Бразилии или, так сказать, на подлете к ней.

– А нам по шее не дадут? – Андрей, как и я впрочем, был не уверен, что мы поступаем правильно.

– Не знаю. Но я сейчас позвоню тому, кто нас будет защищать! А заодно известить папу молодого человека, что с ним все хорошо. О, Даник, прости за беспокойство! Мщю, так сказать, тебе за полночь полночью.

– Что такое? – голос помощника Тропинина был далеко не заспанным. Наоборот, молодой мужчина, чувствуется, был взволнован и зол. – Сонь Аркадьевна! Если не срочно, можно я перезвоню?! – он там чем-то хлопнул и вышел из помещения, на заднем фоне которого слышались возня и громкий разговор. – Хорошо? А то у нас тут ЧП!

– Да я, представь себе, в курсе, и даже повод знаю! – съехидничала я. – Тот, кто должен с мамой рассматривать айсберги – шастает по Питеру.

На другом конце провода повисла тишина.

– Не понял! Откуда ты... – парень напрягся.

А я жутко разозлилась. Видимо, начала отходить!

– От верблюда. Приедем минут через пятнадцать, адрес помню, но смутно. Можешь там присвоить себе все лавры и призы! Только пусть еду приготовят, ребенок, похоже, весь день не ел.

Я отрубилась связь и зашипела, потому как больно задела пальцем губу.

– Вы упали? – Сережа выразительно посмотрел на меня.

– Нет, малыш, это Соня Аркадьевна любит в истории попадать, за что и получает по шее. Очень нехороший дядя ее так, – пробубнил, озирающийся в поисках машин на перекрестке Андрей.

– Папа говорит, что девочек нельзя обижать. Так поступают только трусы и слабаки, – выдохнул удивленный ребенок.

– Очень надеюсь, что твой папа держит слово и в порыве радости не прибудет нас всех, – усмехнулась я, припоминая выражение лица господина Тропинина, когда он чем-то недоволен.

В машине повисла тишина.

– У меня там сок есть, если хочешь? – проговорил вдруг Андрей.

Сергея посмотрел на меня и кивнул. Пакетик он через трубочку опустошил за секунду.

– И как же тебя угораздило сбежать? – поинтересовался водитель.

– Я не хотел расстраивать маму, и папу обижать не хотел, – от выпитого сока, съеденной до этого шоколадки и тепла ребенка осоловел. – Папа очень боится кораблей и за меня. И я решил сбежать, чтобы не улететь завтра вместе с мамой в круиз.

– А почему ты адрес-то свой не знаешь? – удивилась я.

– Я живу в Москве с мамой, – он начал клевать носом. – А папа в Питере, я к нему приезжаю только на каникулы.

Он уснул мгновенно, пристроившись у меня под боком.

На подъезде к поселку я позвонила Данику и передала телефон Андрею, тот, ориентируясь по описаниям мужчины, через несколько минут остановился у памятного дома, на пороге которого уже стоял Данил Олегович в свитере с телефоном и еще один мужчина.

Даник распахнул дверь и заглянул в салон, наткнувшись на меня, округлил глаза, прямо как любит делать Тома, я махнула рукой и прижала палец к губам, указав на спящего малыша.

Второй мужчина наклонился и, аккуратно подхватив мальчика, понес его в дом.

– Где ты его нашла? – поинтересовался Данил, когда я выбралась из машины.

– Возле отдела полиции на Советской. Ждал, пока его начнут искать... и найдут, – улыбнулась я, правда, сразу пришлось сморщиться от неприятных ощущений.

– Это чудо какое-то! Тропинин уже готов национальную гвардию на подмогу звать. Летает где-то по городу в поисках сына. Хотя, сейчас уже едет обратно.

– Отлично, тогда мы тоже поедem. А то еще нарвемcя на благодарность... У меня, как ты понимаешь, сегодня и так тяжелый день.

– А кто посмел на тебя руку-то поднять?! – возмутился Даник.

– Можно, я тебе завтра позвоню, мне нужна твоя консультация по вопросу, стоит ли уголовное заводить или нет.

– Конечно, без проблем, – Даник развел руками и вздохнул. – Ладно, пойду вешать твой портрет. А то, наобещал в прошлый раз, не сделал, и вот...

– Бог шельму метит, – улыбнулась я.

Уже на выезде из поселка мимо нас пронеслась автоколонна каких-то больших блестящих монстров во главе со знакомым белым Гелеком.

Глава 5

Белая Андреевская мазда скользила по набережным и проспектам. Снег, конечно, уже обратился в дождь, и вода вперемешку с грязью заливала лобовое стекло с такой скоростью, что дворники едва успевали бегать из стороны в сторону. Андрей молчал. А я, подальше засунув угрызения совести по поводу эксплуатации Томиного семейства, понимая, что толку от моего самобичевания никакого, смотрела в окно на мой любимый город.

Город мостов. Вот проносятся мимо Кантемировский, Сампсониевский, Лиговский. Связующие нити двух берегов, тысяч судеб. Для кого-то они – досадная помеха по пути на работу, создающая пробки. Но есть те, для кого мосты-артерии, где могли столкнуться две жизни и породить свою вселенную, делая из девчонки в легком летнем платье и парня в дырявых джинсах семью. Мосты собирают друзей в баре на Заневском под предлогом футбола, а на самом деле в ожидании того, что створки в небо откроются, и можно, как в молодости, позвонить и сказать: «Прости... Мосты разве-ли...» И хорошо, если тебе не напомнит заспанный, а может, взволнованный голос, что есть Вантовый мост.

Красота центральных проспектов сменилась темнотой и извилистостью улиц жилых кварталов. Гаражи и мокрые тротуары, маленькие мостики, перекрестки с мигающим

желтым, черные брызги из-под колес, припозднившиеся собачники.

Подумалось вдруг, что я уже и забыла, как водить машину. Мы с Димой любили кататься по ночному городу, когда купили первое авто. Зимой и летом. Мойка, Нева, Фонтанка, залив. Всеволожск, Зеленогорск, Стрельна, Тихвин, Шлиссельбург.

Он обычно сидел рядом на пассажирском сидении. Удивительно начитанный (физика, астрономия, политика, история) он рассказывал множество интересных вещей, а я слушала, запоминала, поражалась, заполняла вакуум: вроде много читаю, но все по работе, а целый мир проходит мимо.

Тепло и память уничтожили защиту, которую я так остервенело возводила вокруг себя, и все горести и страхи накопились голодными крысами. До крика захотелось, чтобы меня обняли, сказали, что все будет хорошо.

– Томуля ждет, – задумчиво проговорил Андрей.

Вздрогнув и чуть наклонившись, я увидела, что окна их квартиры на кухне залиты уютным желтым светом.

– Я пойду домой, мне бы хоть переодеться, – я начала рыться в сумке в поисках ключей.

– Придешь к нам?

– Нет, и так вас умотала, спать ложитесь. Спасибо, Андрюш, огромное. Настеньку с утра заберу, – я заплакала, в темноте слез не было видно, а беззвучно уже научилась.

Он остановился у парадной, и я выбралась из машины под

дождь. Белая мазда с грязными боками, помигав поворотниками, исчезла в соседнем дворе. А я медленно прошла те несчастные пять – шесть метров до двери подъезда. Металл лифта манил, хотелось привалиться, как пьяной, и забыться.

В прихожей я сбросила сапоги, скинула пальто на маленький диванчик и сразу прошла в спальню, все, что успела, захватить телефон. Упав на кровать, заснула моментально, знаю только, что слезы все еще бежали, от них щеки были солеными.

Кажется, телефон завибрировал через секунду. Взглянув на часы, поняла, что так и есть, я отрубилась всего-то минут на пятнадцать. Звонила консьерж снизу.

– Софья Аркадьевна, – дрожащий женский голос заставил меня проснуться, – вас тут спрашивают настойчиво.

– Кто?

– Софья Аркадьевна, спуститесь, пожалуйста.

– Господи! Хорошо!

Я отрубила связь. Ноги не шли, а от усталости слезы навернулись снова. Я уже даже их не стирала. Юбка мятая, да и кофта видала лучшие времена, но какая сейчас разница. Распахнув дверь, я отпрянула. Лампы в общем коридоре освещали три мужских силуэта и женский. Нашу консьержку.

– А что...

Один из мужчин сделал шаг в мою сторону, я вздрогнула и попятилась. Он пер на меня, как локомотив, а я не могла

оторвать взгляда от перекошенного злостью лица того самого Тропинина.

Он оказался выше меня чуть ли на голову, возвышаясь точно Медный Всадник. Я запнулась о свой сапог, пяясь назад, и упала. Но его это мало волновало, он вошел следом, оглядел темную прихожую и захлопнул металлическую дверь за своей спиной.

А я едва приподнялась на локтях, загипнотизированная полным ненависти взглядом, его губы чуть скривились. Хотелось вытереть нос, но губа пульсировала, и прикасаться к лицу было страшно, оно ощущалось одним сплошным сляком.

– Отличный спектакль. Только не думай, дрянь, что все выгорело. Похищение ребенка – самое минимальное, что тебе светит, если раньше я тебя просто не прикопаю где-нибудь! – зло прошипел мужчина.

– Вы идиот? – почему-то, после услышанного страшно быть перестало, стало вообще все равно.

Его рука дрогнула и приподнялась.

– Давайте, господин Тропинин, мне уже сегодня показали, кто на этой планете правит.

Его взгляд замер на моей разбитой губе, глаза сузились.

– Вашего сына я нашла совершенно случайно возле отделения полиции на Советской, в центре. Он убежал, потому что не хотел вас расстраивать и улетать с матерью. Он просил отвезти его домой. Я это сделала. Если вам так надо на ком-

то выместить страх и беспомощность, пожалуйста, милости прошу.

Я с вызовом посмотрела на него. С минуту он буравил меня взглядом, а потом вылетел из квартиры, так оглушительно хлопнув дверью, что наверняка подпрыгнули все соседи на пару этажей в округности, а я, сумевшая все-таки встать, дабы, если что, принять удар стоя, сползла по стенке и заревела.

Было больно и обидно, страшно и одиноко. Пальто упало с диванчика, и я, потянув его на себя, укрылась им, зажав в зубах краешек рукава. Розовый тапочек Абрикоса лежал на коврикe у входа, и ботинок Тропинина оставил на нем грязный отпечаток. Я прижала испачканный комочек с бантиками к щеке. Не знаю, сколько так просидела. Долго, наверное. Холод от плиточного пола в прихожей пробрался до самого сердца.

Взяв себя в руки и где-то поднабравшись бессмысленной храбрости, я встала и открыла входную дверь. Коридор был пуст. Вдавлив ногти в ладонь, чтобы не потерять самообладание с таким трудом собранное по кусочкам, я пошла в ванную. Жгучие струи под сильным напором, точно плети, впились в кожу, но привели в чувство.

Чайник закипал неимоверно долго. Крохотная чашка едва вместила пакетик и три ложки сахара – невообразимое количество для того, кто не пьет чай и кофе со сладким ядом. Но сейчас хотелось. Мазь от ушибов, купленная для Абрико-

са пригодилась. Будильник на семь тридцать. И одеяло. Им хотелось отгородиться от всего мира.

Меня еще долго бил озноб. Мысли прыгали, как бешеные кенгуру. В конце концов, натянув толстые шерстяные носки, я кое-как уснула.

Глава 6

Очнулась я только спустя пять дней. Целых пять суток потребовалось, чтобы мир приобрел ясность и резкость, перестав быть похожим на кисель из запахов, звуков и режущего света. Тумбочка возле кровати напоминала филиал аптеки батареей коробочек и пузырьков для таблеток. Кряхтя, я попыталась выпутаться из одеяла. На телефоне, отвоевавшем краешек столешницы у армии лекарств, имелось (ужас!) с полсотни пропущенных вызовов. Слабость была умопомрачительной. Средство связи весило, как хороший сладкий арбуз в начале сентября.

– Ух, ты, кто проснулся?! – в спальню заглянула Тома. – Настенька! Иди маму обними!

Послышался топот детских ножек, и в комнату ворвалась пахнущая мандаринами дочка.

– Мама! – ко мне прижались со всех детских сил, а я сжала в ответ мое сокровище.

– Как себя чувствуешь? – улыбнулась подруга, присаживаясь на край кровати.

– Хочется закопаться в землю, – прогнусавила я.

– Зря, мы тебя и так еле откопали. Три дня температура под сорок.

– Три дня!

– Да, вчера только спадать начала. Сейчас нет, но еще мо-

жет к вечеру подняться.

– О Боже, вообще ничего не помню, как чистый лист. Вы же к родственникам собирались?! – я посмотрела на Тому с самым несчастным видом.

– Дорогая, забудь! Если бы я за тебя не волновалась, то, пожалуй, это самый лучший праздник за последние лет пять! Старые фильмы, мандаринки, шампусик, тишина и покой! Мечта!

– А Андрей с сынишкой?

– Поехали в Финку с друзьями, благо визы открытые весели. Родителям твоим я позвонила и Зое с работы. Так что основная масса в курсе, что ты жива и относительно здорова. Звонила Маргарита Николаевна, я так понимаю, подруга матери Димы, сказала, что все нормально. Никто не появлялся.

– Я думала, мне все это приснилось, – тяжело вздохнула я.

– Отек спал, синяк заживет, – улыбнулась Тома, намекая на мой фонарик на губе. – Так что, почти приснилось. А еще звонил некто Данил Олегович и очень просил тебя вернуть с того света и засунуть телефон в руку, ибо шеф его, которому вы сына вернули, психовал, чуть ли не до вызова полиции. Но звонил, правда, Данил четыре дня назад. Потом тишина.

– Черт! Этот придурок наверняка его уволил, – горестно вздохнула я.

– Андрюша мне пояснил, что папаша – тип крутой. Я ему посоветовала, если что, в Финке оставаться и кричать, что

русские не сдаются, – Томка засмеялась.

– Ха-ха три раза, – пробубнила я, прижимая Настену к себе.

– Настя! – в комнату ворвалась Ната с тем же мандариновым шлейфом. – Пошли! Начинается!

Моя дочура прижалась сильнее, а потом, откинув голову и не разжимая ручек, посмотрела на меня.

– Поняшки твои? – сделал понимающее лицо, поинтересовалась я.

Малышка кивнула.

– Беги, – я поцеловала ладошку.

– Там всего одна серия! – малышка умчалась за подружкой.

Я завернулась поглубже в одеяло, зыркнула на Тому и нажала на телефоне вызов Даника.

– Соня Аркадьевна! – вполне себе радостный и довольно подвыпивший голос. – Ты там как? Можешь насчет Тропинина не волноваться. Отошел мужик. Бесновался, конечно, порядочно. Перенервничал. Ты же понимаешь. У них все повернуто на деньгах. Он думал, сына с целью шантажа хотели умыкнуть, а потом что-то не так пошло, и вернули, а может припугнуть хотели. Двое суток сидели над видео с камер, чуть ли не носом рыли, да и сыном шеф побеседовал, и теперь считает тебя новогодним чудом. Мало того, что сына привезла, так жена его так расчувствовалась, что мальчишку оставила с ним на каникулы. Так что, монстр в благодушном

настроении.

– Тебя не уволили? – поинтересовалась я на всякий случай.

– Смеешься, мне зарплату повысили, – Данил Олегович был в стадии активного «отмечания» праздников и бонусов, преподнесенных судьбой.

Я выдохнула облегченно.

– Сонь Аркадьевна, твое дело терпит, или срочно надо? – поинтересовался Даник.

– Какое дело? – не поняла я, а потом озарило. – Ждет, конечно. Спасибо, Данил Олегович.

– С наступившим! Не болей!

Телефон погас.

– Даник сказал, что все нормально.

– Ну, вот и славненько! – Тома потеряла руки.

Подруга глупой не была, но некоторые вещи, пугавшие меня до колик, она могла воспринимать вполне спокойно и даже с некоторой долей пофигизма. Может, она просто не могла предположить, что такие, как Тропинин, могут навредить, а некоторые вполне способны и судьбу поломать. Вера в правовое государство, гражданами которого мы являемся, у некоторых таки наличествует.

– Тебе бы чего жидкого похлевать. Начнем с чая с сахаром, – подруга хлопнула ладонями по коленям и пошла на кухню, из зала послышалась возня, строгая Тома не преминула заметить, что девочки слишком близко подползли

к телевизору/

Я же попыталась сесть. Как на корабле в шторм меня мотало из стороны в сторону. Но умыться очень хотелось, от того зубы были стиснуты, попытка влезть в тапочки отринута, и я отправилась в свой вояж до ванной босиком. Мое пальто аккуратно весело на вешалке, сумка стояла на диванчике, из нее выглядывали краешки документов. Стеночка стала хорошим помощником, другом и соратником в моем путешествии. В памяти всплывали мои пятидневные походы в ванную. Такой странной болезни у меня еще никогда не было. А может это и не болезнь вовсе, а нервный срыв?

Теплая водичка взбодрила. Зубная паста со вкусом кокоса показалась чуть ли не съедобной. Душ был бы кстати, но я решила пока не рисковать. Теплый, безумно сладкий чай и бутерброд с маслом приятно утяжелили желудок.

– Моль бледная превращается в человека. А вот не надо было все простуды на ногах переносить. И успокоительное попить не помешает, – Тома уселась напротив. – Ну, так расскажешь, что там с Димкой-то приключилось?

Я поежилась, но подробно рассказала подруге все, что сохранилось в прожаренных температурой мозгах.

– Ощущение, что вернулись лихие девяностые.

– Мы с тобой, дорогая, были маловаты, чтоб по достоинству оценить размах тогдашнего бандитского разгула, – усмехнулась я.

– И что ты будешь делать? Даже не знаю, как бы я посту-

пила в такой ситуации, – Тома начала складывать из салфетки причудливую фигурку, чтобы занять руки. – Вроде, все по чести. Димка сам захотел отдать квартиру тебе и дочке. А не этой лахудре. Это он из-за нее же ушел?

– Ну, скажем, не совсем из-за нее. Мы уже не сильно понимали друг друга. Он стал успокоение на стороне искать. А она мимо не прошла. А может другая. Я не интересовалась.

– Ты не простила? – грустно усмехнулась Тома, окинув меня странным взглядом.

– Нет... Я... Я могла многое понять и на многое закрыть глаза, но не на измену. Это предательство. Хотя он просил его понять. Но я, как бы это сказать, поняла, но не простила. Конечно же, после этого я стала самой плохой. Может, и поэтому еще он с Настей так редко общался, думал, что я дочку науськаю против него. Обиделся. Дурак. Прости, Господи! Не говорят так о покойных. А вообще, Том, я не знаю что делать.

– Квартиры в центре на дороге не валяются, дорогая.

– Да не в квартире дело. Приятно конечно пару лишних кусков за душой иметь. Но проблем с ней будет больше. Мне мать Димкину жалко чисто по-человечески. Страшно, знаешь ли, в таком возрасте оказаться на ее месте. Может, предложить этой Светлане мировую? – я водила краешком ложки по столу.

– Какую?

– Пусть вступят спокойно вдвоем, как наследницы по закону. Продадут. Димкиной матери квартиру купят, а эта пусть делает что хочет, денег ей более чем хватит. И я не буду выглядеть как какая-то «халявщица»: четыре года не общались, а тут на тебе.

– Он – отец Насти, – прошептала подруга, поглядывая за мою спину.

– Настена с голоду не умрет. У меня есть, что дочке оставить! – вскипела я.

– Тьфу, на тебя, Сонька, дура ты! А что будешь делать с этим? – Тома кивнула головой, явно намекая на фингал.

– Спускать такое не хочется, но если это будет одним из способов надавить на Свету, заявление не буду подавать. Да и сроки, как я понимаю, уже все вышли. Маргарита заявила, что это новый бойфренд жены Димы. Вряд ли Светка захочет, чтобы у него проблемы были.

– Мда... – нахмурилась подруга.

– Так! Может, я и душ переживу? – решила я сменить тему.

Теплый душ действительно поправил самочувствие, особенно настроение улучшили вымытые волосы. Голове стало легко. Дома стояла жуткая жара, и из недр шкафа была добыта чистая майка на бретельках с мишками-апликациями. У Настены была точно такая же, поменьше размером, мы купили этот забавный набор «мама-дочка» в прошлый поход по магазинам. Доча была жутко счастлива. Розовые майки

с медвежатами в районе пупков стали нашей любимой домашней униформой.

Завидев меня в «мишках», дочура помчалась переодеться, и скоро маленькое существо радостно кружилось по залу в своей розовой майке, с гордостью демонстрируя подруге, что она как мама. А существо постарше сидело на диване, исчерпав остатки сил, и наслаждалось чистотой, теплом и приятной тяжестью в желудке.

– Надо бы до магазина дойти, бульончику сварить тебе, – заявила Тома. – Да и мелким чего вкусного прикупить. Хотя у нас универсам выглядит как после ядерной войны, полки пустые.

Пободавшись насчет денег и безбожно продув, я опять оказалась на диване. А Тома отправилась добывать мамонта. Звонок в дверь удивил. Тома метеор тот еще, но настолько быстро!

Я поднялась и направилась к двери, полагая, что у подруги руки заняты. Настена увязалась за мной, потому как «заказала» любимой Томе шоколадное яйцо с игрушкой.

Дверь распахнулась, и мы с дочкой удивленно замерли.

За дверью стояли двое мужчин, оба были мне знакомы, правда, тот, что постарше и побольше, оказался не таким высоким, как мне виделось в прошлую нашу встречу, вот ведь у страха глаза велики. Да и выражение лица у него было ныне не в пример добрее всех предыдущих встреч.

– Привет, – Сережа смотрел на нас с дочей, чуть округ-

лившимися глазами.

– И тебе привет, путешественник! – улыбнулась я.

– Софья Аркадьевна, – кивнул Виталий Аркадьевич.

Оба Тропинина были тоже подозрительно похоже одеты: длинные черные пальто, черные свитера под горло, правда, на сынишке была шапочка. Отец себя головным убором утеплять не стал, и только сейчас я заметила, что в темной его шевелюре пробегают тонкие нити серебра. У обоих на плечах сияли не растаявшие снежинки.

Тропинин старший протянул мне плетеную корзинку на длинной ручке. В ней на виду лежали бутылка вина и куча выпечки и сладостей. Проглядывало и имбирное печенье. Я почувствовала, как рядом запыхтела Настена, схватившись за мою ладонь.

– Хотел выразить благодарность и несколько сгладить то, что случилось... – мужчина чуть сузил глаза.

– Спасибо, – я была обескуражена, но кивнула, принимая корзинку, хрустящую пакетом, в который была завернута. – Вам не стоило беспокоиться. Я понимаю, что такое дети. Главное, что с Сережей все хорошо, – я подмигнула мальчику.

– Мамочка! Там Эпл-Джек! – радостно захлопала в ладоши Настена, заглядывая в корзинку с детской непосредственностью.

– Кто? – удивился Виталий Аркадьевич.

– Пони, – на автомате выдала я, но заметив приподняв-

шуюся удивленно бровь Тропинина старшего, быстро добавила. – Печенье в виде пони – персонажа мультика.

Виталий Аркадьевич воздел глаза к небу и улыбнулся. Улыбка его преобразила. Он стал чуть моложе и чуть проще.

– Ну что, дружок, пойдем? – Тропинин положил руку на плечо сына. – С праздниками вас.

– Вас тоже. Спасибо за угощение, – я поставила корзинку на пол и подхватила любопытного таракана на руки.

– Спасибо, – дочурка застенчиво улыбнулась, кося хитрым взглядом на лакомство.

Мужчины стали удаляться по коридору, а мы закрыли дверь. Из комнаты появилась Ната, и начался учет и переучет содержимого корзинки. Я еле успела вытащить бутылку. Сей процесс активного дележа и застала удивленная Тома с пакетами.

– А это что?

– А это нас почтил визитом со своим «спасибо и извините» господин Тропинин, – я втихаря перепрятывала то, что поделили малышки. Тома решила действовать жестче.

– У вас попы слипнутся! – возмутилась подруга, отбирая у девочек основную часть добычи. – Суп, значит, они есть отказываются, а сладкое, так на ура! Ну, нет, дорогие мои, пюре и котлетки и потом по печенюшке. Все! Кыш в комнату!

– Эх, Тома, разрушитель праздников!

– Спаситель от сахарного диабета. Хм. Ну-ка дай сюда.

Бутылку у меня конфисковали. А название вина переключало на строку поискового сайта.

– Ну, надо же... Благодарен мужик. А где Андрюше благодарность? – засмеялась подруга, протягивая мне телефон.

Бутылка этого вина в Интернет-магазине стоила двадцать тысяч! Двадцать тысяч, Карл! Как Зоя с работы ни скажет!

– Гуляем? – приподняла я бровь.

– У тебя температура подняться может, тебе нельзя! – ехидно заметили мне с кухни.

– Плевать! Когда я еще такое дорогущее вино попробую!

Глава 7

Оставшаяся часть праздников прошла отлично. Температура больше не поднималась. Вкусный ужин и четверть бокала вина очень хорошо расслабили. Я отлично выпалась в обнимку с Настенной, предоставив в полное распоряжение Томе и Нате гигантский диван и телевизор в зале.

Пару дней мы сидели дома и наслаждались старыми фильмами, играми с девочками, устроили даже целый день Поняш, и официально были посвящены в сестричество коняшек-мультишек: Тома ныне звалась Пинки Пай, а я – Радуга Дэш.

В ночь на Рождество повалил снег, он шел сплошной стеной. Ровный строй снежинок, устремившихся к земле, не смел нарушить даже извечный питерский проказник-ветер. Машины потихоньку обращались сугробами. Земля укрылась белым пушистым одеялом. Опутанные гирляндами соседские окна дарили настоящее ощущение праздника. Куча народу высыпала на улицу, несмотря на позднее время, радуясь такому редкому за последние несколько лет чуду.

Взрослые дяди и тети, уподобившись мальчишкам и девчонкам, носились по дорожкам и детской площадке, уврачиваясь от снежков, падая, заливаясь смехом. Снеговики росли как на дрожжах. Несмотря на вечные споры и ссоры о собачьих экскрементах, притертых бамперах и счетах

за отопление, наш двор был полон вполне себе адекватных и веселых людей. А мы смотрели в окно и заключали пари, кто победит в снежной схватке.

Малышки уже давно спали в комнате Наты (мы решили сегодня прибраться и переночевать у Тома). Ее мальчишки были в таком восторге от поездки, что оба слезно молили маму-жену разрешить еще побыть в Финляндии: Андрей был заядлым лыжником и тренировал сына. Их коттедж, которые они сняли на три семьи, располагался недалеко от горнолыжного курорта. В общем, мужской кайф: лыжи, вечером пиво, мясо и сауна. Тома ворчала, что мальчишки там приживутся и домой не вернуться, что и не говори, а без них ее идиллия все же не была полной.

На утро после снегопада мы отогрели семейную мазду и поехали кататься по городу. Заглянув в огромный развлекательный центр для детей, полакомились кофе с корицей и пирожками, пока девочки изображали обезьянок на батутах, резинках и прочей, на мой взгляд, жутко опасной ерунде. Я это не преминула озвучить Томе, но мне намекнули, что квартиры в центре получать по наследству гораздо опаснее.

Тут я устыдилась, хотя понимала прекрасно, что не звоню Валентине Алексеевне, потому что сказать мне ей нечего. Надо назначать встречу Светлане и решать вопрос. И лучше это сделать до того, как надо будет выходить на работу. Но и место хотелось выбрать, где народу побольше, а заодно

и камеры для подстраховки. А посему...

Я кивнула Томе, чтобы она присмотрела за девочками и, прихватив телефон, пальто и сумку, вышла на крыльцо развлекательного центра. Ровно три гудка потребовалось чтобы оглушительное «алло» Маргариты Николаевны заставило меня подпрыгнуть.

– Сонечка! Ой, как хорошо, что ты позвонила! Я уж и сама собиралась. Тут Светка опять объявилась, правда, одна. Закатила истерику, что она желает в свою квартиру въехать. Вале опять плохо стало. Я ее к себе и забрала. Что делать-то будет, деточка?

Конец моему отдыху и хорошему настроению!

– Маргарита Николаевна, а вы связаться с ней можете? – поинтересовалась я.

– Со Светкой? Так вот в этот ее приход потребовала я от нее номер сотового, значит, телефона, а она ни в какую давать не хотела. Но я-то на хитрость пошла. Говорю, Валя, как оклемается, так позвонит. Записывай!

– Секунду! – я порылась в сумке в поисках блокнотика. – Диктуйте.

– А что ты решила-то? Ты с ней только одна не встречайся! – завопила Маргарита Николаевна.

– Я хочу, чтобы она приехала в контору, где я работаю, и Валентина Николаевна пусть тоже подъедет. Организуете?

– А то! Побыстрее бы только, Сонечка, Валя вся на нервах.

Я попрощалась и отключилась.

Если бы курила, сейчас, наверное, полпачки бы опустошила. Наконец, собравшись с духом, я набрала номер Светланы. Телефон долго никто не брал. Но после почти минутного ожидания заспанный голос сказал мне невнятное «слушаю».

– Светлана?

– Да, кто это? – женщина насторожилась.

– Бывшая жена Димы, Софья.

Повисло молчание, дама явно с кем-то шушукалась, даже не удосужившись нажать удержание вызова или прикрыть микрофон рукой, и хоть разобрать, о чем говорилось, было невозможно, но судя по повышенным тонам, там шел яростный спор.

– Чего тебе надо? – голос «проснулся» и поднабрался агрессивности.

– Поговорить.

– А что тебе было непонятно в прошлый раз? – огрызнулась Димина жена.

– Да, мне, собственно, все понятно. Но завтра я могу пойти к нотариусу с завещанием, и заглянуть в полицию по дороге с медицинским освидетельствованием на предмет нанесенных мне побоев и заявление написать на твоего... хм... друга. Ему нужны проблемы? А тебе? – вежливой я решила не быть.

Опять послышалась возня.

– Где и когда? – поинтересовались глухим голосом через

минуту.

– В понедельник к двум часам. Валентина Алексеевна тоже подъедет. Все решим. Адрес скину по смс.

Светлана отключилась, не попрощавшись.

Я еще немного постояла на улице, наблюдая за тем, как машины приезжают и отъезжают. Как малыши с папами за ручку далеко не чинно, а скачками пробираются сквозь сугробы к машинам. Воздух был наполнен смехом, болтовней, музыкой и магией новогодних праздников. Ее ощущала даже я, хотя известие о смерти Димы далось мне слишком тяжело и болезненно. А еще все эти проблемы...

Стряхнув снежную пыль с шарфа, я вернулась обратно в кафе и предложила подруге покататься. Набегавшиеся малышки, покушав и напившись чаю, заснули в своих детских креслах на заднем сиденье, а мы с Томой слушали музыку и, не спеша, наматывали круги по ночному городу.

Невский проспект тонул в огнях и новогодней иллюминации. Елки и витрины. Туристы и жители в смешных шапках. Запруженная народом Дворцовая площадь. Там шло какое-то музыкальное шоу, низкие басы перекрывали гул мотора. Ростральные колонны сияли точно две огромные свечки. Здание биржи, укутанное в кокон гирлянд. Нарядные мосты.

– Знаешь, почему-то именно в такие моменты немного жаль давно прошедшей студенческой поры, – усмехнулась Тома. – Я сейчас уже и не представляю, как могла бродить

по городу до утра. И не только в Новый год, но и на Алые Паруса и День Города. И к слову, в жизни, тьфу-тьфу, все хорошо, а краски уходят, вместе с годами.

– Это нормально. Грустно, но нормально. Хорошо, что для кого-то этот город еще долго будет Радужным, – кивнула я назад, намекая на дочек.

– Дай-то Бог, – прошептала Тома и сделала музыку чуть тише.

– Даник, а ты можешь с чем-нибудь хорошим звонить? – возмущалась я.

– Ну, Сонь Аркадьевна! – заныли на другом конце трубки.

– Хочешь, я тебе опишу ситуацию. Ты ко мне ни с одним «приличным» документом еще не обратился. Вы все делаете Красниковской на Крестовском. Она, конечно, услышав вашу ситуацию, послала вас на три веселые буквы. И теперь ты звонишь мне...

– Софья... – начал было привычную песню Даник.

– Не! Не! Не! Даже не проси! – я настроена была быть жесткой.

– У них по-другому не получается! Они не состыковываются по времени. Тропинин прилетает из Италии в шесть вечера, самолет на Дубай его партнера улетает в тоже самое время, – Даник театрально вздохнул.

– У вас же там залог долей общества идет? И какова оценочная стоимость?

– Эмм, – замялся Данил Олегович. – Триста пятьдесят миллионов.

– А-ха-ха. Нет. Ни-за-что!

Ага, ищите идиота!

– Соня! Я твой портрет повесил между прочим!

– Не сотвори себе кумира, Даник! Все! С прошедшими!

– Я приеду, и буду ныть, ты же знаешь, – перешел к угрозам личный помощник Тропинина.

– Я тебе могу предложить вариант. Этот ваш партнер придет днем, подпишет все сопутствующие документы для сделки и доверенность на тебя на подписание договора. Вот тогда «да»! Хотя, при таком раскладе и Красниковская вам все сделает.

– Вредная вы, Софья Аркадьевна! Пойду, обсужу с шефом, – понурились на том конце провода, и трубка, обиженно пискнув и мигнув огоньком, уснула.

Мало мне проблем, которые предстоят завтра, так еще и Даник! Но от него я, похоже, благополучно отвязалась!

Приготовления к первому дню рабочей недели шли полным ходом. Глажка, стирка, сбор игрушек, разбрасывание игрушек, попытки найти все, что было раскидано в период праздничной лени. Вечером я упала на диван, положила ноги на нагретый от праведных трудов пылесос и была готова отрубиться прямо так. Настена, пытавшаяся сделать вид, что она убирает игрушки, заснула в своей кроватке. Хорошо, что хоть поужинать успела. Я укрыла дочь одеялом, да-

же не став будить и утомлять переодеванием, тихо сгрузила средства для уборки в крохотную кладовку, приготовила себе чай и, приняв душ, направилась в спальню.

И вот именно в тот момент, когда я ставила будильник, Даник решил позвонить и сообщить, что господа согласны. Если честно, меня перекосило. И я, как и любой нормальный человек, начала искать лазейки, пути отступления: досконально выпросила у Даника, что он подготовил, но, молодой мужчина, со мной не первый год работает и знает, что и как. Его клятвенные заверения о том, что документы придут утром, сопровождались благодарностями, между которыми у меня не получалось вставить и писк, не то что слово.

После чего белобрысая зараза быстренько отключилась. Самое забавное, что мне от суммы их сделки никакой радости не было. Потому как моя зарплата тоже имела некий потолок, и она, конечно, будет чуть «круглее», но пара тысяч не идет в сравнение с миллионами. А вот головная боль до самого снятия бремени с имущества гарантирована.

А самое главное – опять Тропинин. Я, конечно, после нашей предпоследней встречи отошла. Но, как говорится, ложечка нашлась, а осадок остался. В общем, пока ехала на работу, готовилась морально, как гладиатор к битве, пообещав себе кучу бонусов и приятностей, если удачно, а самое главное продуктивно, переживу этот день.

Народу было после праздников мало. Все деньги потрачены, едва открывшиеся глаза и еле шевелящиеся конечности

с трудом доносили людей до работы, если мозг еще вспоминал, где она находится, эта самая работа. Так что четыре часа до встречи со Светланой показались мне адом, ничем неразбавленным. Я уже перепила весь кофе. С горя даже скушала самый большой гамбургер из «МакДака»

Без пятнадцати два в помещение конторы вошли Маргарита Николаевна в необъятном пуховике ярко-алого цвета и с боевым настроем, весьма четко вырисовывающимся на лице, так точно выглядели бойцы красной Армии, заведя белых. Валентина Алексеевна осунулась и похудела. Женщина куталась в огромный пуховый платок, сидя на краешке стула, и кидала на меня взгляд полный надежды.

Светлана пришла одна, опоздав на двадцать минут. Стянув белый пуховичек, она уселась за стол, даже не удосужившись поздороваться с Валентиной Алексеевной, и воззрилась исключительно на меня, смотрела с вызовов, понятное дело, готовая встретить в штыки любое мое предложение. Выглядела молодая женщина недурно. Она была, кажется, чуть моложе меня, но за счет своего небольшого росточка и миниатюрной фигурки смотрелась еще моложе. Если бы не взгляд.

Маргарита Николаевна умело игнорировала жену Димы. Валентина Алексеевна сидела тихо. А я себя ощутила центром вселенной и вершителем судеб. Никто не хотел быть первым. Пришлось инициатору. Я сцепила руки в замок и начала.

– Светлана, Валентина Алексеевна. В прошлый раз у нас нормального разговора не получилось. Все были несколько на взводе. Но, я думаю, сейчас, в спокойной обстановке, нам стоит обсудить сложившуюся ситуацию и прийти к тому решению, которое всех устроит.

Светлана скривилась.

– Я и сама понимаю, то, что сделал Дима, немного странно. Если бы оставил только дочери квартиру еще ладно, но я там действительно «никаким боком».

Маргарита Николаевна открыла рот, чтобы возразить, но я подняла руку, призывая к тому, чтобы меня дослушали.

– Я предлагаю следующее. Мы забываем про завещание. Вы, Светлана, и, вы, Валентина Алексеевна, вступаете в наследство в равных долях. После чего я помогу вам с продажей квартиры. Вас, Светлана, не обделим, вы будете контролировать весь ход сделки. Каждый остается при деньгах. Мы спокойно купим квартиру для Валентины Алексеевны. А вы, – я кивнула Диминой жене, – будете вольны делать, что захотите. Но это при условии, что до оформления наследства и продажи квартиры вы, Светлана, не трогайте Валентину Алексеевну, даете ей спокойно жить в квартире. Полгода вы в состоянии потерпеть.

Диминая мать тяжело вздохнула. А вот Светлана смотрела на меня в упор.

– Знаешь, при других обстоятельствах я бы согласилась. Но сейчас – нет! – ее лицо преобразилось и улыбка стала

похожей на оскал. – Он мне задолжал слишком много. Он мне жизнь сломал! И я получу то, что мне причитается!

– К чему такая упертость? Даже если бы завещание было написано на вас, Валентина Алексеевна и моя дочь все равно могли бы вступить, – я была удивлена такой враждебности.

– Ну, рискните. Я свое слово сказала. Эта квартира – моя, – она вскочила, сорвав со стула пуховик, и вылетела из кабинета.

– Что за психованная дама? – я сидела с открытым ртом. – Я не понимаю, чего она хочет добиться.

– Так я тебе о чем и говорила, деточка. С ней невозможно говорить, – покачала головой Маргарита Николаевна.

– Это бред! Она все равно бы не получила квартиру целиком, – я никак не могла понять, что это был за спектакль.

– А все просто, Сонюшка. Ты испугаешься. А запугать Валью... Да ты на нее посмотри, она все отдаст. Она сына похоронила. Вывезут ее куда-нибудь в деревню в холодный дом, и все. Вон читала, внук бабушку выкинул на улицу, а тут и не родня даже. А там уж подпишет, все что дадут.

Слезы-хрусталики побежали по морщинистому лицу съевшейся в своем платке женщине. А ведь и правда! У меня есть семья, друзья, родные, у нее нет никого. Она одна против целого мира.

Телефон сам собой оказался в руке, и на номер Светланы ушло смс.

«Сама напросилась. Вступаю по завещанию. Держись»

от нас подальше. Заявление в полицию подам»

Маргарита Николаевна просияла. Она первая поняла, что я приняла решение. По-моему, даже раньше, чем я. Заверив, что Валя будет жить столько, сколько надо, у нее, она принялась тормозить подругу, но та застыла ледяной скульптурой.

– Боязно мне за тебя, Сонечка. Страшная она, эта Светлана. Всегда была страшной. Я уверена, что это из-за нее Димочка погиб, – вдруг прошептала старушка. – Не надо, пусть забирает. Мне и так, и так помирать.

– Валентина Алексеевна, мы все решили, – я подошла к женщине и сжала ее плечи. – Идите спокойно с Маргаритой Николаевной. Я всем займусь.

Пока Димина мать одевала пальтишко, Маргарита Николаевна отвела меня в сторону.

– У Вали долг еще. Она же на похороны сама деньги собирала.

– Сколько? – вздохнула я.

– Да, порядком, тысяч шестьдесят. Гроб закрытый был.

– Он же вроде в транспортной компании работал, ему разве не оплатили похороны, раз было ДТП на служебном транспорте?

– Так нет, пока разбирательство же идет, сказали, платить не будут, говорят, он сам виноват.

Шестьдесят тысяч – почти все, что было отложено на поездку с Абрикосом на море.

– Хорошо, – тяжело вздохнула я.

– Вот и славненько, – глаза Маргариты Николаевны засияли, кажется, я знаю, у кого заняла деньги Димина мама. Дама в алом пуховике посчитала, что раз уж я приберу к рукам квартиру, то и долги мне погашать.

Когда они ушли, мне потребовалось тридцать минут и капли Морозова, чтобы собраться с мыслями. Как раз к этому моменту приехал партнер и сторона по сделке с господином Тропининым.

Зрелый, загорелый мужчина с белозубой улыбкой и приятным голосом почему-то для меня олицетворял страну, куда сегодня унесет его самолет: он весь был напоен солнцем, особым шармом Востока, и от него ненавязчиво тянуло роскошью. Он был уроженцем Москвы, но, похоже, давно уже жил за границей и редко говорил по-русски, отчего обзавелся легким акцентом. Мужчина с удивительной теплотой говорил о Тропинине, иногда даже проскакивало у него вместо Виталия – Вита, несмягченная буквой «я» буква «т» делала имя Тропинина иностранным, весьма приятным языку и каким-то интимно-дружеским.

Все прошло гладко. Мужчина отбыл в аэропорт. А я занялась подготовкой бумаг лично, очень уж хотелось избавиться от воспоминаний о разговоре со Светланой.

В восемь вечера в кабинет, где на столе уже лежали готовые стопки документов на подпись, влетел Даник, а за ним вошел Тропинин. Он выглядел усталым, чуть прикрывая глаза, будто ему было тяжело на свету. Иногда его длинные, тон-

кие пальцы касались лба, чуть надавливая, но читал он все и слушал внимательно, не перебивая. Я сидела по левую руку от него, и в какой-то момент стала ловить себя на мысли, что все время хочу прикрыть губу рукой, на которой под слоем косметики все-таки угадывался синяк.

Когда настала пора росписей, я переложила аккуратно сложенные шарф и перчатки Тропинина со стола на стул и наклонилась, водя пальцем по бумагам. От его волос шел терпкий, но приятный аромат мужского парфюма. Пришла в голову глупейшая мысль, что так и должна пахнуть «его» Италия. Даник по секрету поведал мне, у Виталия Аркадьевича в Италии тоже есть свой бизнес, и он много времени проводит в этой стране, о которой Гоголь писал: «Кто был в Италии, тот скажи „прости“ другим землям».

Скинув наваждение, я перепроверила все, что есть, мужчины терпеливо ждали, не выказывая желание, как это обычно бывает, отправиться по своим делам.

– Все готово, Виталий Аркадьевич. Сегодня я отправлю сведения в налоговую инспекцию, но примут они в обработку только завтра. Думаю, в течение трех-четырех дней зарегистрируют.

– Отлично. Благодарю, – Тропинин кивнул, о чем-то спросил Даника, тот удивленно порылся в телефоне, а потом оба, попрощавшись, ушли.

Девчонки заглянули в кабинет с вопросом, собираюсь ли я домой. Я, тяжело вздохнув, сказала, что хочу закончить,

потому как завтра не работаю, а сведения надо отправить. Мои сослуживицы вяло пособолезновали и, споренько собрав манатки, вылетели из конторы через пять минут, щелкнув входной дверью.

А я ушла с головой в битву с компьютерной программой. Стук во входную дверь офиса заставил меня вздрогнуть, а взгляд упасть на стул, там лежали шарф и перчатки Тропинина. Со времени его ухода прошло не больше пятнадцати минут. Наверняка вернулся за вещами. Я взяла шарф и перчатки, источавшие тот же аромат, что и волосы Виталия Аркадьевича, и щелкнула замком.

Грубая рука впечатала меня в широкий косяк старинного дома. А перед глазами блеснули нож и озлобленный взгляд того самого спутника Светланы. Его рука, схватив меня за косу, в которую я собрала волосы, что есть силы, потянул назад и вниз, заставив беспомощно прогнуться, откинув голову назад.

– Я тебя предупреждал, что будет больнее, но ты, кажется, из непонятливых. Но мой друг, – он кивнул на нож, сиявший острой гранью перед самым моим лицом, – тебе сейчас поможет стать опытнее и умнее.

Отпустив косу, больно дернув волосы, он прижал меня к стене, закрыв рукой рот. А я ничего не могла сделать. Он стоял так, что даже ударить его не получилось бы.

Когда острие коснулось моей щеки, я думала только о Насте.

Нож вдруг перестал колоть кожу, и я решила, что он замахнулся и сейчас ударит, и зажмурилась. Но рука, сдавившая рот, выпустила свою жертву, и мужчина захрипел. Я распахнула глаза. За спиной Сергея, вцепившись в руку с ножом, стоял Тропинин, второй рукой он ухватился за ворот куртки и тянул нападавшего от меня. Напряженные лица обоих мужчин исказила гримаса злости.

Но Сергей хоть и был ниже Тропинина, но весил явно побольше. Крутанувшись, вырываясь из рук более рослого соперника, он махнул ножом и вылетел в парадную. Плышался топот ног и хлопок двери во двор.

Мы с Тропининым смотрели друг на друга. И он, и я тяжело дышали. Он опустил руки, и вот тут я вскрикнула: по ладони правой руки его струилась и капала на пол алая кровь.

Глава 8

Тропинин, морщась, скинул пальто на диванчик в холле, оставшись в темном костюме и рубашке. Вместо того чтобы проделать тоже самое с пиджаком, он достал телефон из кармана брюк и, нажав пару клавиш, бросил короткое: «Лёнь, поднимись»

Как только телефон упал на пальто, я с шумом втянула воздух, наблюдая, как тягучие капли поглощает серый ковролин. Тропинин кинул на меня хмурый взгляд.

– Давайте, только без обмороков, – хрипло попросил пострадавший.

Это-то и заставило меня очнуться. Я поспешила к нему и помогла снять пиджак. Рукав рубашки был в крови. Я поймала его руку и, расстегнув пуговицу на манжете, начала закатывать рукав, Тропинин же прихватил край манжета и дернул, ткань с треском разошлась до локтя. Порез был небольшой, но глубокий, и сильно кровоточил.

– Вам надо в больницу, – шмыгнула я носом. – Я вызову скорую.

– Есть большая салфетка, а лучше бинт? – Тропинин зажал рану второй рукой.

Я кивнула. У нас была крохотная аптечка, которая в основном была богата препаратами от головной боли, но бинт и йод там каким-то чудом затесались.

Сделав небольшую прокладку, я приложила ее к ране и замотала весь этот кошмар бинтом. На бинте на месте раны сразу же проступило алое пятно.

Мужчина попытался расстегнуть ремешок часов, но пальцы, перепачканные в крови, скользили. Я опять перехватила его руку и аккуратно, почти не касаясь, сняла часы, которые упали мне на ладонь. За моей спиной распахнулась дверь. Лёней оказался тот самый водитель, что привез меня к Тропинину в первый раз.

– Твою же... – выругался мужчина.

– Вызови полицию. Позвони Варкову, – отдал распоряжения Тропинин. – Где у нас тут травма ближайшая? – мужчина вопросительно посмотрел теперь уже на меня.

– А... Ну... Первый Мед за углом. А дальше за Карповкой есть круглосуточный медцентр с травматологией. Был, по крайней мере, два года назад, – я судорожно копалась в недрах памяти, пытаясь выудить необходимую информацию; еще за то время, когда у меня была машина, и я могла позволить себе в пробках рассматривать витрины и вывески. Но перед глазами упорно стояли нож и кровь, в которой перепачкался Виталий Аркадьевич и мои пальцы.

– Оставайся с ней. Ключи! – здоровой рукой Тропинин засунул телефон в задний карман брюк и подхватил пальто.

– Но Виталий Аркадьевич... – хотел было возразить Лёня, но спорить было уже не с кем.

Тропинин исчез за дверью, а я стояла посреди коридора

с зажатыми его часами в руке. Шарф и перчатки, которые я несла к выходу, сиротливо лежали там, где меня застал непрошенный гость – на полу у входа.

– С ним все будет в порядке? – сглотнув, я посмотрела на Леонида, подбирая дорогие вещи с пола и укладывая на диванчик.

– Надеюсь, – хмуро сообщил мужчина.

Он ничего не стал спрашивать. Четко выполняя указания шефа, набрал полицию, а потом связался с тем самым Варковым, с которым был крайне вежлив.

– Камеры тут есть? – спросил он, чуть отстранив телефон от уха.

– Да, – я кивнула, – вот там!

В углу, напротив входа мигала синим глазком новая камера, которыми начальник утыкал всю контору.

– Звони своему главному и сисадмину? – а потом вдруг опомнился. – Сама-то в порядке?

Я судорожно кивнула и пошла за телефоном.

И началась карусель. Полиция прибыла через десять минут, и ее было много, исключительно, полагаю, ввиду персоны, которая пострадала. Мне с грустью подумалось, что на мой труп столько бы не приехало.

Владимир Александрович, мой непосредственный начальник, примчался минут через двадцать. Как он это проделал с другого конца города – уму непостижимо.

Компьютерщика Диму принесло лишь спустя час. Все это время я сидела на стуле в кабинете, борясь с ознобом, который с постоянством океанских волн накатывал и отступал.

Тома была в ужасе. Сейчас, думаю, подруга оценила все, что происходит, на должном уровне, и была в панике за свою семью. Настену, она, конечно же, забрала. Но и ежу понятно, что Тома близка к истерике. Позвонила я и Маргарите Николаевне. Та, кажется, тоже была готова упасть в обморок. Теперь ее и Валентину Алексеевну тоже, скорее всего, будут допрашивать, ведь они общались со Светой и видели Сергея задолго до меня. Он ведь им тоже угрожал. И я тоже не придала этому значения! Тогда...

Испачканные в крови Тропинина пальцы я вытерла об юбку. Часы так и остались в руке, я сжимала их как последнюю надежду. Мне очень хотелось знать, что с ним все в хорошо. Кабинет заполнили мужчины в форме и в штатском: одни копались к ноутбуке начальника, куда записывалось видео с камер, вторые что-то строчили в куче бумаг.

– Ну, Софья Аркадьевна, начнем беседу, – один из прибывших в форме уселся напротив и разложил перед собой бумаги. – Нападение, судя по записи, было совершено на вас. Появление Виталия Аркадьевича вам спасло если не жизнь, то лицо точно. Меня зовут Анатолий Иванович, я следователь. Так в чем вы видите причину нападения?

– Все из-за квартиры, – я тяжело вздохнула.

– Давайте конкретнее. Вы – юрист, прекрасно понимаете,

что мне нужны детали, – его глаза блеснули.

Я на мгновение зажмурилась, пытаюсь собраться с мыслями, выходило это плохо, но моего рассказа ждали все, кто сидел и стоял в этой комнате.

– Около трех недель назад умер мой бывший муж...

– Около? Точную дату назовите, раз считаете, что это имеет отношение к делу, и имя его полностью.

– Дмитрий Федорович Мизерный. Даты точной я не знаю. Знаю, что он был, чем-то вроде водителя-экспедитора. Погиб в ДТП в области.

Мужчина начал записывать, от того как он нажимал на ручку, стол слегка дрожал, и это нервировало.

– Мне позвонила его мать, и сообщила, что он оставил завещание на квартиру на меня и на нашу дочь Настю. Его нынешняя жена Светлана, я не знаю отчество, и брала ли она его фамилию, потребовала, чтобы мне не сообщали. Она привела в дом свекрови того самого мужчину, что напал на меня. Они начали угрожать уже вдвоем. Валентина Алексеевна очень просила приехать, матери Димы уже за семьдесят. Двадцать восьмого декабря вечером я приехала к ней, через полчаса туда же пришла Светлана и этот самый Сергей, – я потерла ладонями лоб. – Он меня ударил и сказал, что если я полезу в это дело, будет еще больше.

– Вызывали полицию? – не отрываясь от бумаг и не поднимая глаз, поинтересовался следователь.

– Вызывали. Я прошла медосмотр. У меня есть... акт

об освидетельствовании, – темные разводы на юбке заставили тошноту подкатить к самому горлу. А мысли шли совсем в другом направлении.

Он же мог потерять сознание за рулем?!

– Светлана несколько раз приходила, требовала от свекрови отказаться от наследства в ее пользу. Сегодня мы с ними встретились. Я предложила вступить в наследство и жене и матери, забыв о завещании, и поделить деньги с продажи квартиры. Но Светлана уперлась, сказала, что Дима ей задолжал, и она заберет все, что ей причитается, – часы Тропинина в руке нагрелись. – Я написала ей смс, что буду вступать в наследство, раз она не хочет мирно договориться. Пригрозила, что напишу заявление на ее... друга. Ну и вот, – я развела руками.

Мужчина сделал какие-то отметки в протоколе и окинул меня странным взглядом.

– Что ж. Давайте еще раз. Когда умер ваш муж?

– Я уже сказала, что точной даты я не знаю.

– А что за квартира, из-за которой весь сыр-бор? – хмуро поинтересовался следователь.

– Трешка в старом доме на Невском проспекте, убитая в хлам, – мрачно выдала я.

Губы мужчины презрительно скривились.

– То есть, ваш муж оставил вам в наследство квартиру стоимостью больше десяти миллионов, а вы даже не знаете, когда он умер?

Внутри у меня всколыхнулся протест, обида расплавленной магмой потекла, обжигая внутренности.

– Бывший муж! Уже четыре года как бывший муж! Человек, которого я за четыре года с момента развода видела восемь раз! – я со всего размаха опустила ладонь на стол, второй крепко сжимая часы Виталия Аркадьевича, они, как ни странно, придали мне сил. – Восемь раз хмурый тип встречался со мной у метро, совал в руку деньги, которых не хватило бы и на один поход в продуктовый магазин, и исчезал, не спросив о дочери, не удосужившись узнать, как у нее дела! Плевать на меня! Развелись и развелись! Он о ней ни разу не поинтересовался. А теперь он вроде как ее любил, он вроде как по ней скучал, он вроде как горевал, что я не даю ему с дочерью общаться! Он вроде как меня благодетельствовал. Но знаете что, вместо этого я себя считаю загнанной в ловушку. Он знал, что я не смогу послать его мать на все четыре стороны. Он на меня все свои обязанности повесил, – воздух и силы закончились, а тошнота стояла у самого корня языка. – Можно мне выйти на минуту.

Мужчина кивнул, я встала и, чуть пошатываясь, пошла в уборную. Опустив крышку унитаза и усевшись на нее, сжала голову руками, положив часы на краешек раковины. Тошнота отпустить не хотела. Так я и сидела, считая точки на узорчатой плитке пола. Сил оторваться хватило лишь на трехсотой. Холодная вода смыла потеки засохшей крови на щеке, где обнаружился небольшой порез от прикос-

новения Сережиного «друга». Тушь потекла, и я остервенело стирала с лица черные линии. Закончив и вытерев руки о многострадальную юбку, я пошла обратно, часы привычно оказались в ладони. Пряди выбились из косы, и я, сорвав резиночку, распустила волосы.

– Сонь, – Владимир Александрович поманил пальцем на нашу крохотную офисную кухню. – На, выпей, ты вся белая.

Мне протянули кружку, в которой вместо положенного чая плескался коньяк из личных запасов шефа. Руки дрожали. Я опрокинула в себя одним глотком янтарную жидкость и вымученно улыбнулась мужчине. Часы над входом в кабинет показывали без десяти двенадцать. Леонида нигде не было видно.

Только бы с Тропининым все было хорошо... Только бы... И опять те же вопросы по кругу. От выпитого коньяка и пережитого меня стало клонить в сон. Внутри царила ужасная пустота.

– Так, вот тут подпишите.

Я ставила подписи, не глядя, перед глазами все плыло.

– Вызывать будем... – начал было следователь.

В этот момент дверь сзади щелкнула замком. Мужчина вскинул голову и радушно так улыбнулся, почти подхалимски, я бы сказала. А может мне показалось...

– А вот и настоящий пострадавший.

Я обернулась и увидела Тропинина бледного, сменивше-

го порванную и окровавленную рубашку на темный свитер. Он подошел к нам, и я почти благоговейно протянула ему часы, чувствуя, как по щекам потекли слезы благодарности и усталости. Он забрал часы, и положил мне руку на плечо, чуть сжав, его ладонь была горячеей, я чувствовала это даже сквозь ткань блузки.

– Девушка может быть свободна? – раздался тихий голос Виталия Аркадьевича.

– Да, – кивнул мужчина в форме, имя которого никак не хотело откладываться в памяти. – Можете идти, – кивнули мне.

Я же сидела до тех пор, пока теплая ладонь лежала на моем плече, но задержалась она ненадолго. Встав, я встретилась лицом к лицу с Тропининым, и прошептав одними губами: «Спасибо», пошла к выходу. Он ничего не сказал, слабо кивнув, уселся на мое место. А я выползла в коридор, где ждали Леонид и хмурый Даник.

– Ну, Сонь Аркадьевна, ты даешь! У тебя есть где пожить пока? Домой тебе не вариант, – начал с порога Даник.

– Больше некуда. Завтра дочку отправлю к родителям самолетом. Она у подруги. Они теперь там тоже сидят и трясутся, – я уселась на стул у входа.

– Так давай к подруге отвезу, – Даник оказался рядом.

– Чтобы он туда пришел, Сергей этот? – хотелось покрутить пальцем у виска.

– Ну, вряд ли он теперь будет спокойно расхаживать, –

удивился Данил Олегович.

Разрушать радужные представления Даника о человечестве мне сегодня не хотелось.

– Я на такси доеду, – болтливый помощник Тропинина был сейчас не к месту.

– Да ты еле стоишь! – возмутился тот.

– Данил Олегович, пожалуйста, я доеду сама, – я сжала зубы и отправилась на поиски Владимира Александровича.

– Ну, смотри, – поняв, что со мной спорить без толку, сдался парень.

Леонид, молча наблюдавший за нашей беседой, кивнул на прощание.

Начальник сидел на кухне и потихоньку потягивал коньяк из чайной кружки.

– Владимир Александрович, я вам нужна еще?

Он вздрогнул и повернулся ко мне.

– — Нет, Сонь, езжай домой. Я сам на охрану поставлю. Менты сказали, что печатывать не будут.

– Спасибо, – я судорожно вздохнула. – Там надо отправить документы в налоговую по залогоу, я почти все сделала.

– Не волнуйся, завтра все отправим. Иди.

Вызвав через Интернет такси, стала ждать звонка. Сообщение с номером и маркой машины застало меня в полусонном состоянии минут через пятнадцать, сидевшую за секретарским столом и опустившую голову на сложенные руки.

Накинув пальто, я взяла сумку и, пошатываясь, пошла

на выход. В коридоре было пусто, ни Даника, ни Леонида не было, да и вообще, царила оглушительная тишина. Перчатки и шарф Тропинина, которые я подняла и положила на диванчик в приемной, тоже исчезли.

Спустившись вниз по широкой парадной лестнице, я вышла из здания. На улице было снежно и холодно. Редкие машины проносились по проспекту, оставляя за собой колею, видимо, реагенты и уборочная техника сюда еще не добрались. Дыхание срывалось с губ и растворялось в воздухе легким парком. Сунув нос в шарф, я пошла по направлению к площади Шевченко, где и припарковался таксист.

Краем глаза из-под капюшона заметив, что рядом со мной поравнялась машина, я испуганно шарахнулась в сторону еще до того, как увидела белый Гелек. Машина проехала пару метров и остановилась, передняя пассажирская дверь распахнулась, и ногу на подножку спустил Виталий Аркадьевич.

– Не самый лучший вечер для прогулок. Садитесь, – это был скорее приказ, чем предложение.

– У меня такси... – пробормотала я.

Но Тропинина это мало волновало, он ждал, когда я сделаю то, что было велено.

Я открыла заднюю пассажирскую дверь и села за Виталием Аркадьевичем. Гелек под управлением Леонида тронулся и покатил по направлению к Ушаковскому мосту. Нарушать тишину в машине мне не хотелось, и я отменила заказ через личный кабинет в Интернете. Радио пело едва-едва.

Огни за окном слились в разноцветные полосы, бежавшие вслед за машиной. А я уснула удивительно сладко и спокойно.

Проснулась я от того, что Леонид тронул мое колено, и, приложив палец к губам, кивнул на своего шефа. Тропинин, похоже, тоже спал.

Машина остановилась возле моего дома. Я кивнула и постаралась открыть дверь как можно тише и также закрыть. Белый Гелек тронулся, а я пошла к парадной, кинув взгляд на окна квартиры Тома – света не было. Надеюсь, там все спали. А вот я сомневалась, что мне повезет попасть в царство Морфея, скорее меня ждет мир Кошмаров, где у Фредди Крюгера вместо лезвий на пальцах, будет в руке один длинный нож.

Глава 9

Все, что я успела сделать, это скинуть обувь и пальто, налить себе чаю и накапать валокордина (с содроганием понимая, что я на него подседа) в крохотную рюмочку, когда зачирикал телефон. Номер был незнакомый, и «ответить» я нажимала, если честно, в состоянии близком к панике.

– Слушаю.

– Тропинин. С вами все в порядке, Софья? – в его устах мое имя звучало мягче, чем это получалось у других, возможно, потому что он привык говорить на двух таких не похожих языках.

– А... Здравствуйте, Виталий Аркадьевич. Да, все нормально.

– Вам сейчас стоит быть осторожнее. С учетом моего участия искать его будут быстрее и тщательнее. Но все равно будьте осмотрительнее. Я вам отправлю номер своего знакомого, если у вас появится какая-либо информация, сообщите ему.

– Хорошо. Виталий Аркадьевич, у меня не было возможности вас поблагодарить. Спасибо вам большое и за жизнь... и за помощь, – словами не передать, как я была рада, что он забыл перчатки и шарф. И что он не сильно пострадал...

– Ну, как говорится, мы квиты. Вы вернули мне сына. Для меня это имеет определяющее значение. Удачи вам, Софья.

– Спасибо.

Он отключился. Я долго смотрела на растворившееся в воде лекарство, сделавшее ее мутной и, подумав, опрокинула рюмочку в раковину, решив за собственный сон и спокойствие бороться своими силами.

Уснула я моментально, правда, по-детски наивно поставив на широкую ручку входной двери толстый хрустальный стакан, в надежде, что... я проснусь. Но разбудил меня телефон. За окном стояла темень, как и в спальне. Вызывал меня незнакомый городской номер. На часах было шесть тридцать утра.

– Да, – голос был хриплым и чужим со сна.

– Софья Аркадьевна, – а вот у кого-то голос был вполне себе бодрый. – Следователь Варков, помните такого?

– Да... Здравствуйте, – холодная испарина на лбу уже обозначилась. – Эээ... – я, конечно же, опять забыла его имя и отчество.

– Анатолий Иванович, – подсказала мне трубка. – Софья Аркадьевна, надо бы вам подъехать в следственное управление.

– Когда? – я спустила ноги с кровати, откинув одеяло.

– Чем быстрее, тем лучше. Видео с камер не дает стопроцентной уверенности. Виталия Аркадьевича дергать мы не будем, сами понимаете. Опознать нападавшего сможете только вы.

Я только сейчас заметила, что у него был хорошо постав-

ленный несколько манерный голос.

– Сейчас?

– К восьми сможете подъехать? Записывайте адрес, – все-таки голос чересчур бодрый.

Записывать не стала, и я так знала, где в центре это заведение серо-бежеватого окраса с решетками внутри на окнах располагалось.

Лежать смысла не было. Я вызвала такси и пошла собираться. Через полчаса авто несло меня в сторону центра. Город стоял, а хитрый житель «Ближнего Востока» вертко крутился по узким улочкам, еще более похудевшим из-за сугробов, уворачиваясь от припаркованных машин, и тех, кто желал следовать примеру таксиста, и успеть на работу, встав попозже.

Тома по телефону была чуть спокойнее, чем вчера; она взяла отгул, поменявшись со сменщицей и ждала меня дома с малышками.

В здании пришлось лезть за паспортом и за бумагой, которую мне выдал следователь еще в конторе. После чего меня отправили аж на пятый этаж. Было удивительно многолюдно. Я даже испугалась, что сидеть мне в очереди. Но, как оказалось, до пятого этажа вследствие каких-то мне неизвестных причин, народу добиралось не в пример меньше, чем до первых двух.

Варков Анатолий Иванович оказался тем самым следователем, который допрашивал меня в конторе, а еще тем, с кем

уважительно говорил Леонид по телефону, и дружески Тропинин.

– Софья Аркадьевна, присаживайтесь.

Кабинет у него был вполне себе ничего для следователя: новая аппаратура, новая мебель. В убранстве и в поведении хозяина присутствовала педантичность. Хотя любовь к хорошим и дорогим вещам тоже проскальзывала. Он казался старше Виталия Аркадьевича, хотя не намного.

Мужчина достал из стола папку документов, где все было разложено, судя по виду, по росту, по весу и по значимости, и извлек листок с фотографией. Но вдруг вернул ее в папку, и, прикрыв другим листом, отодвинул в сторону. После чего, сняв очки с тонкими стеклами, положил их перед собой, перед этим осторожно сложив дужки.

– Но прежде чем мы начнем, мне бы хотелось уточнить у вас одну деталь, – он сплел тонкие пальцы и внимательно принялся меня изучать. – Мне для более правильного подхода к делу, а оно принимает весьма серьезный оборот, необходимо знать, в каких отношениях вы состоите с Виталием Аркадьевичем.

– В каком смысле? – не поняла я.

– Мне известно, что произошло с его сыном, и о вашей роли в том событии. С одной стороны, это может быть своего рода благодарность, с другой, о жизни Виталия Аркадьевича известно крайне мало, он старается не афишировать своих отношений, и то, что он лично попросил помочь вам, как

и то, что он оказался там, где на вас напали, наводит на мысль о некоей близости, которая между вами может быть.

– Если это тактичный намек на любовницу, то нет, вы ошибаетесь. Я видела его всего-то раза три, и смею надеяться, что Виталий Аркадьевич решил помочь исключительно потому, что я нашла его сына, и у него доброе сердце.

Анатолий Иванович опустил глаза, изучая свои ухоженные ногти, и усмехнулся каким-то своим мыслям.

– Я вас понял, Софья Аркадьевна. Что ж, это сильно упрощает мне работу.

– А вот мне, почему-то, страшно, – честно сообщила я Варкову.

– И правильно, – не стал успокаивать меня следователь.

Он одел очки и, открыв папку, достал фото.

– Это он?

На меня смотрел Сергей. Поразительно, как фотографии преобразуют людей, на фото он был даже симпатичным. Губы его почти усмехались, в глазах стояла ленца свойственная хищнику, готовому в любой момент превратиться из ласкового пушистого зверька в опасное чудовище.

Сергей Андреевич Смоляков, тысяча девятьсот восьмидесятого года рождения, уроженец Ленинграда, а дальше на листочке под фото шел перечень статей Уголовного Кодекса, по которым он привлекался либо пытался быть привлеченным.

Номера статей я за давностью лет подзабыла, никогда

не любила уголовное право. Проработав месяц в прокуратуре еще в своем родном городе после института, практикантка в моем лице улепетывала оттуда, сверкая пятками, понимая, что лучше иметь личную жизнь и нормальную психику, чем погоны. Хотя, начинающему следователю, у которого я стажировалась, хороших дел не дадут, но, все же, мне хватило тогда трупов утопленников и висельников.

Однако, есть статьи, которые у любого юриста проходят красной нитью в памяти: сто пятая – убийство, сто тридцать первая – изнасилование, сто пятьдесят восьмая – кража, двести двадцать восьмая...

– Наркотики! – я вскинула голову и посмотрела на следившего за мной Анатолия Ивановича.

– Так это он, значит. Вы раньше его видели? Может он был в окружении вашего бывшего мужа? До развода?

– Нет, никогда. Димка наркоту ненавидел, его друг детства умер от передозировки, – я положила листок на его стол.

– Я вам так скажу, Софья Аркадьевна, исключительно потому, что Виталий меня попросил – дело неприятное. Я запросил у ГИБДД документы по ДТП. Они еще идут, но как мне вкратце пояснил знакомый: автомобиль отправлен на экспертизу по требованию транспортной компании, потому как в показаниях и протоколе сказано, что Дмитрий не смог остановиться и свернул в лес, чтобы не снести на груженой фуре колонну легковушек, которая еле двигалась из-за пробки. Транспортная компания настаивает, что осмотр

тягача проводился перед рейсом, тормоза были проверены, в то время как показания инспекторов с места происшествия говорят о том, что он даже не тормозил. Бывает всякое. Согласен. Отказ тормозной системы. Зима. Гололед, хотя его тогда в области не наблюдалось. Теперь это все будут проверять. Но если система была намеренно повреждена... И тут самым большим вопросом встает это завещание. Возможно, Дмитрий предвидел нечто подобное.

– Боже... – я пыталась осмыслить все, что сказал Варков.

– Есть еще один нюанс. Наш кадр, – кивнул мужчина на фотографию – имеет причастность к наркотрафику, идущему через Россию в Европу и наоборот. А Дмитрий последние полгода до смерти возил грузы в Турку (город-порт в Финляндии).

– Вы хотите сказать, что он перевозил наркотики, и его убили из-за этого?

– Вполне возможно. И возможно, что Светлана, которую мы не можем найти, к этому причастна, ведь она работала в той же транспортной компании.

– Она сказала, что Дима ей задолжал...

– Да, вполне возможно, они что-то не поделили. И вполне возможно, эта квартира была призвана покрыть их долг перед поставщиками. Не могу сказать ничего определенного.

– И что мне делать?

– Для начала, вы забываете, что Виталий Аркадьевич имел место быть при вчерашнем происшествии. Имя Троби-

нина не должно фигурировать в подобных делах. Это может навредить его деловой репутации.

– Дда... Конечно, – я сглотнула.

– Постарайтесь успокоиться и жить обычной жизнью.

– Это шутка? У меня дочь! – не удержалась я.

– Отправьте к родителям. Они у вас в другом регионе, как я помню, – порылся Варков в документах.

– А как же Димкина мать? Неужели они полезут к ней?

– Софья, если они должны кому-то выше, они пойдут на любые меры, потому что в противном случае им это землю больше не топтать. Раз он так открыто действует, значит, время их поджигает. И вы должны объявить всем знакомым бывшего мужа, что вступаете в наследство и тем самым ускорить события. Мы же назначим за вами наблюдение.

– Я не буду этого делать, – я замотала головой. – У меня ребенок и родители. Эти люди могут... Я на это не пойду. Нет, – я сжалась, понимая, как смалодушничаю сейчас. – Пусть мать Димы вступит в наследство, после всего случившегося им легче ограбить банк, чем трясти ее. А если с ней что-то случится, наследницей Светлана на ее долю никак стать не может, она ей никто.

– Если только не будет завещания... А подобное завещание оспорить сможете только вы от лица дочери, внучки Валентины Алексеевны Мизерной, – склонил голову к плечу Анатолий Иванович, приторно ласково посмотрев на меня.

– Но это смешно, они что, пытать ее будут?!

– Софья, мать Дмитрия исчезла ночью.

– Что? – я чуть не упала со стула.

– Квартира взломана. Гражданка Столярова Маргарита Николаевна с черепно-мозговой в больнице.

Я вскочила.

– Она жива?

– Состояние стабильно тяжелое, – он продолжал непри-
нужденно перебирать бумаги.

– И вы хотите, чтобы я рисковала жизнью своего ребенка?
Ради чего? – я смотрела на него как на умалишенного.

Он поднял глаза – адский холод и безжалостность это все,
что я там увидела.

– Вы же понимаете, Соня, что мы и без вас раскрутим ва-
ше участие в этом деле. Этого человека пытаются привлечь
уже не первый год. В его послужном списке десятки жертв,
это если считать тех, кого он убил, переправляя огромный
партии наркотиков, и я отнюдь не о тех, кто их употреблял.
То как он действует в данном случае, слишком не похоже
на обычное поведение Смолякова. Ему легче было нанять
«нарика», который отправит вас к бывшему мужу, сунув нож
в печень. Но он сам действует. И я уверен, что в конторе он
вас убить не хотел.

Варков поднялся и оперся ладонями на стол.

– На видео видно, что он даже ножом не замахивался в мо-
мент когда Тропинин его руку перехватил. Я уверен, он нож
хотел убрать...

– Вы сейчас на что намекаете? – я в упор посмотрела на Варкова.

Он тоже начал буравить меня взглядом. Я зрительного контакта разрывать не стала, и подбородок вздернула. Он мой взгляд тоже не отпустил, пока ни усмехнулся.

– А вы чем-то похоже на Виталия. Даже забавно, – его улыбка превратилась в оскал, я уже начала понимать, что привыкаю к подобному выражению лиц окружающих. – Из города не уезжать. Вы по делу пока свидетель и потерпевшая, но... – он чуть наклонился вперед, – лично у меня под подозрением в похищении Мизерной Валентины Алексеевны, которая могла помешать вам вступить в наследство, в убийстве Дмитрия Федоровича Мизерного, одним из мотивов которого является получение выгоды от продажи квартиры и возможном сговоре со Смоляковым Сергеем Андреевичем, а также покушении на похищение Сергея Витальевича Тропинина.

Он подписал и протянул мне пропуск со слащавой улыбкой, за которой мерещилась вся Испанская Инквизиция.

– Вы все тут психи! – мне было больше нечего сказать. Хлопать дверь я не стала, боясь, что рассыплюсь сама.

Глава 10

Из здания Управления я попросту выбежала, так хотелось глотнуть влажного, пропитанного тьмой и холодом, воздуха. Ощущение, будто слишком глубоко ныряешь, легкие уже разрываются от потребности в кислороде, а солнце там, за толщей воды, еще так далеко. Я поймала себя на том, что бреду, куда несут ноги, не замечая людей и машин. Удивительно, но и они не замечали меня, хотя смотрели в упор и даже могли задеть.

Я не могла поверить, что Димка ненавидел меня настолько, что мог так подставить. Ведь у нас же есть дочь! Как же так? Разве я заслужила все это? Как же я буду смотреть в глаза Томе и Андрею! Последняя мысль вышибла дух напрочь. Я так резко замерла посреди улицы, что сзади на меня налетел какой-то парень, пребольно задев плечом.

Как там говорил какой-то герой из какой-то книги...

Двигаться, выжить!

Настя! Я отмела все лишние мысли и поставила одну конкретную крохотную цель – отдел регистрации смерти по Центральному району Санкт-Петербурга. Такси домчало меня туда за несколько минут. Паспорт, дочкино свидетельство о рождении в подтверждение родства и у меня на руках Свидетельство о смерти Димы. Теперь я знаю дату – семнадцатое декабря, и место – 131 километр федеральной трассы

«Скандинавия».

Я точно шла с крохотным фонарем в крошечной тьме, желтое пятнышко света – все, что у меня было, а за его пределами в темноте прятались невидимые монстры, готовые разодрать свою добычу.

Рядом с отделом ЗАГСа располагался офис коллеги. Девушка, с которой мы вместе работали пару лет несколько лет назад, радушно поздоровалась, пожелала поскорее выздороветь, приняв меня за больную, и сделала согласие на перелет Настены в сопровождении сотрудника авиакомпании к моим родителям. Крупный центр по продаже авиабилетов тоже оказался под боком – вылет был назначен на шесть вечера.

Тома меня возненавидит. Друзьями друзьями, но семья есть семья. Никто и ничто не может быть дороже и важнее ее. А Тома Андрея любит. Они вместе уже тринадцать лет, но до сих пор в их отношениях проскальзывают нежность, привязанность, взаимная теплота. Разумеется, подругу раздражает, что любит муж поваляться перед телевизором или посидеть за компьютером, что он – не любитель посещать театры и кино, предпочитая домашний уют. Но Андрей – прекрасный отец. И, что говорить, о своей семье он заботится.

Вылет через семь часов.

Еще одно страшное испытание – звонок матери и отцу. Я не стала им говорить в Новый Год о том, что случилось с Димой и со мной. Но теперь придется выложить почти все, смягчив некоторые детали и недосказав страшные подроб-

ности. Родители уже в возрасте.

Мама, конечно, была взбудоражена. Она кричала в трубку, что приедет сама, чтобы я не дергалась, что это все ошибка. Натиск из слез и мольбы было крайне трудно выдерживать. Хорошо, что на улице шел дождь. Хотя, мне кажется, я не плакала, нечем было. Эмоции кончились, осталось одно желание – двигаться с фонариком, храня в сердце надежду на лучшее, и знать, что с самым главным человечком на земле все будет хорошо.

Настя крутилась вокруг меня, пока я пыталась собрать ее чемодан, хотя очень хотелось посадить ее на колени, обнять и больше ни о чем не думать. Особенно после того как ушли Тома с Натой.

Я рассказала подруге всю правду, о подозрениях, об обвинениях, о том, что могут Андрея дергать. Подруга молчала. Также молча, она собрала притихшую Сливку и, также тихо за ней захлопнулась дверь. Я осталась наедине со своими страхами.

Настена бабушку с дедушкой любила и воспринимала все это как игру или каникулы. Она радовалась, что увидит Мурзика с теплым нежным животиком и постоянным стремлением быть приласканным, увидит и большого доброго Рокки, овчарку, который защищал малышку от чересчур назойливого соперника-приятеля кота. В шесть вечера самолет взвился в небо. Я просидела в аэропорту все два часа, пока длился перелет, и замигавший телефон с надписью «мама»

схватила, наверное, на первом гудке. Все прошло отлично. Малышка, конечно, устала и сейчас в машине сладко посапывала. Мама шептала, чтобы я была осторожна. Она, похоже, сама начала пить успокоительные. Я заверила, что буду. Только есть ли в этом толк?

В полдесятого, оказавшись в пустом доме, где лежали раскиданные в спешке игрушки и вещи дочки, я не выдержала и вылетела из квартиры, боясь, что сойду с ума. За оставшиеся десять минут до часа «икс» – запрета продажи алкоголя, я посетила алкомаркет и затоварилась большой бутылкой коньяка. Мне очень хотелось забыться, чтобы отпустило хоть на минуту напряжение, державшее меня точно в тисках.

Из еды дома остались только печенье и сыр. И я вдруг с горечью осознала, что за последние полгода из-за работы так мало проводила времени с дочкой, что уже и забыла, когда готовила сама ей что-то жидкое.

Первые две рюмки отправились в желудок, не видевший сегодня еды, с тридцатисекундным интервалом. Внутри взорвалась маленькая бомбочка, и горячая волна заставила резко выдохнуть.

Под коньяк и тихую музыку я драила кухню целый час, понимая, что не усну, а если и усну, то вряд ли сон принесет мне облегчение. Сейчас, когда мне так нужно было, чтобы рядом были подруга и дочь, я осталась одна.

Часы показывали почти полночь, когда в дверь позвонили.

В крови уже плескалось полбутылки, и я, не задумываясь, открыла дверь. Алкоголь угнетал и страх, и боль, и инстинкт самосохранения, остались лишь пустота и «пофигизм». Правда, пришлось привалиться к дверце шкафа, потому как мир начинал потихоньку кружиться в легком вальсе.

На пороге стояла мечта женщин. Самая настоящая мечта! Правда, если ты смотришь на нее издали, желательно из-за забора из колючей проволоки, или если она изображена на страницах журнала, позируя рядом с белым Гелеком и домом стоимостью под сотенку миллионов.

Главное, чтобы такие, как эта мечта, были далеко от тебя. Ты, конечно, на секунду представишь себя рядом на той же странице, но благополучно захлопнув журнал, можешь пойти по своим делам в своем мире, оставив эту мечту – мечтой.

Тропинин окинул меня хмурым, привычным ему, злым взглядом, и, чуть отодвинув плечом, вошел в прихожую. Я даже не стала спрашивать ни о чем. Такие, как он, могут позволить себе почти все: иметь друзей, например, которые готовы найти козла... козу отпущения, наступить на тапочек Абрикоса, угрожать тому, кто не может ответить.

Если он приехал обыскивать, унижать или рассказать, что меня ждет, то зря. Сейчас мне было все равно. Я закрыла дверь и, молча, ушла на кухню. Коньяк закапал в рюмочку и наполнил рот горечью, правда, вкусовые ощущения уже притупились. Надо лишь правильно вздохнуть. И...

Незванный гость скинул где-то свое ультрамодное черное пальто и остался в тонком сером свитере и темных брюках. Обувь он не соблаговолил снять. Я хмыкнула и налила еще одну рюмочку. Тапочки Абрикоса волновали меня больше всего. А их я благоразумно поставила на полочку в прихожей.

На кухне был плиточный пол, без всякого подогрева, но я стояла на нем босыми ногами и холода совершенно не чувствовала. Мир с ощущениями и без них у меня разделился, когда Настин самолет взлетел.

Вдруг в голову пришло, что я вообще-то вежливый человек, и, подхватив наполненную рюмочку, я повернулась к Виталию Аркадьевичу, предлагая.

Мужчина, стоявший в дверях кухни, сузил глаза и подозрительно уставился на меня. Обмозговав, насколько это возможно ситуацию, решила, что коньяк за тысячу деревянных явно не устроит мечту женщин, они такое не пьют, предпочитая потягивать вина стоимостью не меньше, чем мой месячный заработок.

Дабы дальше не оскорблять вкусы присутствующих, я пожала плечами и опрокинула рюмочку в себя.

– Я не привык ошибаться в людях. Но в тебе я ошибся уже дважды.

Я чуть выставила нижнюю губу, переживая очередной приятный взрыв внутри и согласно и почти сочувственно, покивала головой.

– Бывает, – взяв губку, я аккуратно провела ею вдоль раковины, убирая последние капли воды. Такой чистоты у меня еще никогда не было. Такая чистота возможна только, тогда когда нет семьи.

– Так нужны были деньги, или причина в чем-то другом?

– Деньги – они всегда нужны. Вот хотела смотаться с Абрикосом на море. А то мы никуда с Абрикосом не выезжали. Знаете, такая инфляция, садик почти тридцатку стоит, квартплата там, да и игрушки, одежда, еда. Да вот и коньяком надо иногда баловаться. Так что, наверное, все-таки дело в деньгах, – я вдруг рассмеялась совершенно искренне. – А что, деньги ничем не хуже остальных причин.

Рюмочка опять наполнилась.

– Хотя может быть месть? – я вопросительно посмотрела на статую имени Тропинина. – Месть ведь тоже отличный повод. Но вот ведь незадача – вас до того вечера, когда удостоверила согласие, я ни разу не видела. А хотя нет, вру, видела, вы какого-то черта забыли в метро на Ладожском вокзале. Я вам хочу сказать, вы так больше людей не пугайте, такси берите. Вы там как золотое яйцо среди обычных смотрите.

Брови Виталия Аркадьевича дернулись. Он к такому обращению явно не привык.

– А какой еще может быть повод? – я задумчиво подняла рюмочку и залюбовалась переливами света. – В вашем мире еще бывают поводы сделать человеку плохо кроме выго-

ды и мести? – я вопросительно посмотрела на Тропинина. – А вообще мир – интересная штука, я вот в мистику и прочее верила весьма условно, но, как оказалось, можно вредить даже с того света. Как там, наверное, мой бывший муж выплясывает. Так радуется, что отместил неразумным хазарам. О, кстати, там тоже есть месть! Хотя, там это, наверное, звучит «пафоснее», типа воздал по заслугам! Только бы хоть пояснил за что?

Голова закружилась, и я зажмурилась, вцепившись в столешницу. Мне надо было лечь, чувствовалось, что вот-вот рухну. Держась за холодный камень, а потом за стенку, я прошла мимо так и стоявшего в дверях Тропинина.

– Вы когда уходить будете, просто дверь захлопните, – сказала я глухо. – В такую погоду (а за окном лил дождь) даже господин Смоляков из дома не выйдет, так что запирайтесь – смысла нет. И не трогайте, пожалуйста, Андрея, он тут вообще не причем, а у него семья.

Еле доплетясь до спальни, я упала на кровать. Хотя нет, сил еще хватило натянуть одеяло. От выпитого дышалось с трудом и громко. Но все это быстро прошло, потому что тьма оказалась совсем рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.